

Ярослав Арден

Наследник старой осады

«Автор»

2026

Арден Я.

Наследник старой осады / Я. Арден — «Автор», 2026

Спасатель Максим Лавров попадает в осаждённый Гранец — город, где камни помнят последние движения погибших и заставляют живых повторять их судьбы. Наследник князя хочет заново разыграть победную ночь своего деда, назначив жителям роли знаменосцев, предателей и палачей. Максим умеет искать пропавших, размечать опасные пути и выводить людей из ловушек. Но здесь главным выходом оказывается дорога домой — и она откроется лишь тогда, когда старая осада повторится до конца. Чтобы спасти принявший его город, Максиму придётся отказаться от готового спасения и научить живых помнить погибших, не подчиняясь им.

© Арден Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. След на сухом камне	6
Глава 2. Чужой маршрут	14
Глава 3. Последнее движение	23
Глава 4. Наследник на башне	33
Глава 5. Квадраты поиска	43
Глава 6. Дом без жильцов	51
Глава 7. Вещь назначает роль	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ярослав Арден

Наследник старой осады

От автора

Города любят помнить победы. На площадях остаются знамёна, на стенах — имена, в семейных рассказах — поступки тех, кто не отступил. Но память легко превращается в приказ живым: повторить чужой подвиг, принять чужую цену и не спрашивать о тех, кого победная история оставила за воротами.

Этот роман — о спасателе, который умеет искать пропавших, но попадает в место, где сами улицы уводят людей по последним маршрутам погибших. Здесь нельзя победить прошлое, просто объявив его ложью. Нужно увидеть, что произошло, назвать цену и оставить живым право выбрать другое действие.

Перед вами самостоятельная история. Для неё не требуется знать другие книги или миры. Достаточно помнить простое правило любого поиска: никто не должен исчезать только потому, что так уже случалось раньше.

Глава 1. След на сухом камне

Камень под ладонью был сухим, хотя Максим только что стоял по колено в ледяной воде.

Он не сразу понял, что это важно. Сначала были самые простые вещи: вдохнуть, перевернуться на бок, не дать телу захлебнуться тем, чего уже нет. Горло содрало кашлем. Правое колено отозвалось тупой болью. В пальцах остался конец оранжевой верёвки, мокрой и тяжёлой, а второй конец уходил за край каменной площадки в белёсый туман.

Максим лежал, прижавшись щекой к шершавой плите, и считал вдохи. На четвертом перестало темнеть в глазах. На седьмом вернулся слух.

Не шум реки.

Колокол.

Удар был низкий, с дрожью, будто били не по бронзе, а по самой башне. Следом справа прокатился грохот. Над головой что-то просвистело и разбилось о стену. На площадку посыпалась каменная крошка.

Максим поднял голову.

Никакой реки не было. Перед ним тянулась улица, узкая и крутая, зажатая домами из серого камня. Верхние этажи нависали друг над другом. Между окнами сушилось бельё, но ни одна тряпка не шевелилась. Небо над крышами казалось слишком светлым после тумана. На нём стоял неподвижный дым.

За спиной площадка обрывалась. Ниже лежали крыши, ещё ниже — внешняя стена с башнями. За стеной темнели шатры и двигались мелкие фигурки. Оттуда снова ударило. Максим увидел короткую вспышку, потом над зубцами пролетел чёрный шар.

Он вжался в плиту раньше, чем успел подумать. Шар прошёл выше и ударил в дом через улицу. Ставни вылетели наружу. Кто-то закричал.

Максим сел. На нём были те же болотные штаны, термокофта, разгрузочный жилет. Карабин на груди цел. Нож в ножнах. Рация висела на плече, экран погас. Каска пропала. Рюкзак тоже.

Последнее, что он помнил, — ночной поиск на реке. Пятнадцатилетний Артём ушёл из дачного посёлка после ссоры с отцом. Собака вывела отряд к старой переправе. На берегу нашли один кроссовок, на мокрой глине — след скольжения. Максим закрепил верёвку на сосне и пошёл проверять заводь. Течение там было слабым, глубина — по пояс. Потом под водой дёрнуло так, словно открыли шлюз.

Он успел крикнуть Лёше, чтобы выбирал верёвку.

Теперь верёвка уходила в туман за обрывом, хотя сосна, Лёша и вся река остались неизвестно где.

Максим нажал кнопку рации.

— Первый — группе. Ответьте.

В динамике хрустнуло. Потом женский голос быстро произнёс несколько слов. Язык был незнакомый, но смысл вдруг лёг в голове сам, будто Максим всегда его знал.

«Не называй себя. Они услышат».

Он посмотрел на рацию. Экран оставался мёртвым.

— Кто это?

Тишина.

С улицы донёсся частый стук подошв. Максим поднялся, придерживаясь за стену. Колено работало. Ничего не сломано, кровь только на костяшках. Он отцепил от жилета страховочный ус, накинул верёвку кольцом на плечо и выглянул из-за угла.

По улице бежали люди. Не солдаты — старик в длинном фартуке, девочка с корзиной, двое мужчин, тащивших дверь вместо носилок. На двери лежал окровавленный человек. Все

двигались вверх, к широкой площади. Один мужчина крикнул Максиму, махнул рукой и не остановился.

— Куда? — спросил Максим.

— Под своды! Второй звон был!

Мужчина говорил на том же незнакомом языке. Максим понимал каждое слово и только после ответа заметил невозможное.

— Где я?

Но носилки уже скрылись за поворотом.

Третий удар колокола заставил стёкла задребезжать. На внешней стене ответили рожки. Со стороны шатров поднялся хриплый рёв.

Осаждённый город, подумал Максим. Мысль была настолько нелепой, что он сразу отложил её. У спасателя есть простое правило: сначала опасности, потом объяснения. Падающие снаряды. Повреждённые дома. Толпа. Незнакомая местность. Возможен повторный удар. Нужно уйти из открытого места, найти укрытие, воду, людей, способ связи.

И понять, куда ведёт верёвка.

Он подошёл к обрыву. Белый туман за краем уже редел. Оранжевая верёвка свисала вдоль стены метров на восемь, а потом обрывалась. Конец был не перерезан — оплавлен, будто его поднесли к горелке. На сером камне под ним виднелся мокрый след ладони.

Только один.

Максим коснулся отпечатка. Холод прошёл через пальцы до локтя. На миг в голову ворвалось чужое ощущение: боль в животе, запах горелого масла, необходимость доползти до края и сбросить вниз что-то тяжёлое. Он отдернул руку.

След высох на глазах.

Снизу раздался женский вскрик.

Максим перегнулся через парапет. По наружной лестнице, прилепленной к стене, поднималась женщина в зелёном платье. Нет, не поднималась. Она шла боком по узкому карнизу, держась одной ладонью за камень. Глаза были открыты, но смотрела она не под ноги, а прямо перед собой. На сгибе локтя висела корзина. Из неё падали яблоки.

Карниз заканчивался там, где обвалился угол площадки. Ещё шесть шагов — и женщина выйдет в пустоту.

— Стойте! — крикнул Максим.

Она не дрогнула.

С улицы вылетела невысокая темноволосая женщина в серой куртке, подпоясанной кожаным ремнём. На плече у неё висела плоская сумка, в руке — короткий крюк с деревянной рукоятью. Она увидела женщину на карнизе и выругалась.

— Не зови её!

— Она сейчас сорвётся.

— Знаю. Отойди от края.

Незнакомка упала на колени у парапета, сунула крюк в щель между плитами и проверила рывком. Потом вытащила из сумки тонкий ремень.

Максим уже сбрасывал с плеча верёвку.

— Ремня не хватит.

— Тебя не спрашивали.

— А её — спрашивали?

Женщина на карнизе сделала ещё шаг. Камень под ногой осыпался. Она качнулась, но продолжила двигаться с упрямой точностью заводной игрушки.

Максим продел верёвку в карабин, обвёл вокруг каменного столба и вернул ходовой конец себе. Столб был потрескавшийся. Нагрузка в сторону улицы выдержит, в сторону обрыва — неизвестно.

— Здесь есть другой спуск?

Незнакомка быстро посмотрела на узел, потом на его руки.

— В доме лестница. Долго.

— Тогда страхуйте.

— Ты не знаешь, что с ней.

— Поэтому и не полезу к ней вплотную.

Он затянул узел на обвязке, которой не было.

Максим замер. Обычно широкий пояс и ножные петли лежали под жилетом. Сейчас верёвка обхватывала только его талию. При срыве так можно сломать рёбра или выскользнуть вниз.

Незнакомка поняла паузу, сорвала с себя ремень и бросила ему. Ремень оказался длинным, из двойной кожи, с петлями для ножей и ключей. Максим провёл его между ног, соединил с верёвкой, проверил самодельную систему.

— Когда скажу «держи», выбирай слабинку. Когда скажу «пусти», отдавай понемногу. Поняла?

— Я провожу людей по стенам с двенадцати лет.

— Значит, поймёшь.

Он перелез через парапет и поставил ногу на карниз.

Камень был тёплый от солнца. Женщина в зелёном прошла ещё два шага. До обрыва оставалось три.

Максим не пошёл следом. Если приблизиться сзади на таком карнизе, она может дёрнуться или обернуться. Он спустился ниже, упёрся подошвами в стену и повис на верёвке. Колено сразу напомнило о себе.

— Пустите метр.

Верёвка поползла через карабин плавно. Незнакомка действительно умела страховать. Максим оттолкнулся от стены и оказался ниже женщины, чуть впереди её. Теперь он видел её лицо. Лет сорок, седая прядь у виска, губы беззвучно шевелятся.

— Слышите меня?

— Корзину к господской кухне, — ответила она. — До третьего звона. Корзину к господской кухне.

— Кухня в другой стороне!

Это крикнула незнакомка сверху.

Женщина не слышала. Её правая рука скользила по стене, точно повторяя старые выбоины. Ладонь прошла по выступу, пальцы сжались вокруг пустоты и что-то бросили вниз.

Ещё шаг.

Максим поднял петлю верёвки.

— Как её зовут?

— Я не знаю!

— Что в корзине?

— Яблоки. Сегодня продавали яблоки.

Женщина дошла до последней целой плиты. Впереди зиял пролом. Она подняла ногу.

Максим метнул петлю. Верёвка легла поперёк её груди и под мышками. Он резко выбрал конец, прижав женщину к стене. Корзина сорвалась. Яблоки мелькнули красными точками и исчезли среди крыш.

Женщина закричала — не от страха. В крике была ярость человека, которому помешали выполнить единственно важное дело. Она выгнулась, ударила затылком о камень и попыталась выскользнуть из петли.

— Держи! — крикнул Максим.

Верёвка натянулась. Его самого потащило вверх и вбок. Самодельная обвязка впилась в бёдра.

Женщина схватила его за рукав.

Перед глазами вспыхнула чужая улица. Ночь. Огонь на крышах. Та же стена, только целая. Молодая служанка бежит с корзиной не яблок, а глиняных сосудов. В животе у неё торчит обломок стрелы. Она должна донести масло на кухню, но лестница горит. Кто-то приказывает сбросить сосуды вниз, чтобы они не достались врагу. Служанка выходит на карниз. Один сосуд. Второй. На третьем ноги уже не держат.

Шаг в пустоту кажется продолжением приказа.

Максим моргнул. Видение исчезло. Женщина в зелёном всё ещё цеплялась за него и тянулась к обрыву.

— Это не твоё, — сказал он, не зная, поймёт ли она. — Корзина упала. Всё. Ты закончила.

Она замерла на долю секунды, затем снова рванулась.

Корзина упала, но путь не закончился. Служанка тоже падала следом.

Максим почувствовал, как верхний карабин скребёт по камню. Столб мог не выдержать двоих. Подтянуть женщину на площадку против её воли не получится: она бьётся, он висит ниже, точек опоры почти нет.

Нужно не сильнее тянуть. Нужно изменить её следующее действие.

— Как зовут тебя? — спросил он прямо в лицо.

Женщина ударила его по щеке.

— Скажи имя!

— Неда! — крикнула сверху незнакомка. — Кажется, Неда. Она торгует у Водяных ворот.

— Неда, смотри на меня.

Глаза женщины скользнули мимо.

Максим достал из кармана свисток. В поиске резкий звук иногда пробивал панику, возвращал внимание на один миг. Он свистнул коротко, почти у её уха.

Неда вздрогнула. Зрачки сфокусировались.

— Возьми верёвку, — сказал Максим. — Не стену. Верёвку.

Она посмотрела на его руку.

— Возьми сама.

Пальцы соскользнули с камня, нащупали верёвку. На лице Неды появилось недоумение.

— Теперь тяни. Не туда. Ко мне.

Она потянула.

Что-то ударило по стене изнутри. Не звук — толчок, прошедший через ладони и зубы. На камне рядом с Нединой рукой проступила влажная полоса. Она шла от обрыва назад, против старого пути.

Неда вскрикнула и обмякла.

— Выбирай! — заорал Максим.

Верёвка пошла вверх. Незнакомка тянула одна, упираясь ногами в парапет. Максим помогал, насколько мог: прижимал Неду к стене, переставлял её ступни с выступа на выступ. Когда её руки достигли края площадки, сверху появились ещё двое — старик в фартуке и тот мужчина, который нёс дверь. Они схватили Неду под плечи и перевалили через парапет.

Максим поднялся следом. Руки дрожали от нагрузки. Он сел на камень и только тогда заметил кровь на верёвке: Неда содрала ладони.

— Жива, — сказал старик, приложив ухо к её груди.

Незнакомка забрала свой ремень, но не застегнула. Она смотрела на влажную полосу, оставленную на сухом камне. Полоса быстро бледнела.

— Ты заставил её повернуть след.

— Я попросил её взяться за верёвку.

— Она была назначена.

— Кем?

Незнакомка подняла с площадки последнее яблоко. Покрутила его в пальцах. На боку был вырезан маленький знак, похожий на башню с раскрытыми воротами.

— Вот этим.

— Яблоком?

— Меткой кухни. — Она показала знак старику. — Сегодня кто-то раздал товар в корзинах старого двора.

Старик побледнел.

— На рынке таких было пять.

— Тогда четверо ещё идут.

Незнакомка поднялась. В движениях не было паники, только злость и быстрый расчёт. Она указала мужчине с носилками на Неду.

— Отнеси её под своды к Мирену. Свяжи руки мягко, если снова потянется к стене. Не называй её полным именем и не оставляй рядом яблоко.

— А ты?

— Найду остальных.

Она наконец посмотрела на Максима так, словно до этого он был ещё одной опасной вещью, которую следовало убрать с дороги.

— Ты упал со стены?

— Не знаю.

— Откуда у тебя такая верёвка?

— Из поискового отряда.

— Какого князя?

— Никакого.

Вдали снова ударил колокол. На этот раз два коротких удара, пауза, ещё один. Люди на улице ускорили шаг. Старик перекрестился незнакомым жестом — коснулся лба, горла и левого плеча.

— Лада, — сказал он, — враг подводит башню к северной стене.

— Башня не дойдёт до вечера. А назначенные дойдут.

Значит, её зовут Лада. Максим встал, смотал свободную часть верёвки и проверил оплавленный конец. Девять метров. Для городского поиска мало, но лучше, чем ничего.

— Где рынок?

Лада застегнула ремень.

— Ты пойдёшь под своды. Там решат, шпион ты или сумасшедший.

— А четверо людей продолжают идти к обрыву.

— Они могут быть не здесь. Старая кухня стояла на княжеском дворе. К ней вели три пути.

— Значит, разделимся.

— Значит, ты не понял. — Лада подошла ближе. У неё были тёмные глаза и белый шрам у подбородка. — Ты возник на стене во время обстрела, говоришь без выговора и касаешься назначенной голой рукой. После такого люди не предлагают разделиться. Они отвечают на вопросы.

— Тогда спрашивай по дороге.

— Я могу позвать стражу.

— Можешь. Только сначала скажи, куда пойдут остальные.

Лада сжала яблоко так, что кожица лопнула под пальцами. Потом бросила его за парапет.

— Две корзины продали у Водяных ворот, одну у красильщиков, две возле Нижних ступеней. До старой кухни ближе всего отсюда и от красильщиков.

Максим оглядел улицу. Табличек он не понимал — если это были таблички. Высота домов скрывала ориентиры. Карты нет. Связи нет. Команды нет. Он понятия не имел, как оказался здесь и можно ли вернуться. Но четверо людей, возможно, двигались к месту, где старый маршрут заканчивался смертью. Это была задача, которую он понимал.

— Покажи красильщиков. По пути найдём, на чём отметить проверенные улицы.

— Отметить?

— Чтобы не искать дважды там, где уже посмотрели.

— Город знает свои улицы.

— А ты знаешь, где сейчас каждый из четырёх?

Лада не ответила.

Над крышами снова показался чёрный шар. На этот раз он летел медленно, почти лениво. Максим проследил направление.

— В проём! — крикнул он.

Он толкнул старика к арке, подхватил Неду за ноги. Мужчина с носилками потянул её за плечи. Лада не побежала за ними. Она смотрела вверх, прищурившись, затем бросилась к противоположной стене.

— Лада!

Шар перелетел улицу и ударил в верхний этаж. Фасад вздулся облаком пыли. Балка пробила навес. Максим накрыл Неду собой. Камни застучали по спине и плечам.

Когда грохот стих, улицу перегородила груда обломков. За ней плакал ребёнок.

Максим поднял голову. Лада стояла на коленях у стены, зажав ладонью висок. Между пальцами текла кровь. Она была в сознании.

— Все отвечают! — крикнул Максим. — Кто меня слышит?

Старик закашлялся.

— Здесь.

— Носилки?

— Здесь, — ответил мужчина.

— Лада?

Она зло махнула рукой.

Из-за завала донёсся тонкий голос:

— Мама!

Максим подполз к обломкам. Верхняя часть стены держалась на двух балках, одна треснула. Лезть под неё без подпорки нельзя. Он всмотрелся в щели. За камнями шевельнулась синяя ткань.

— Как тебя зовут?

— Тиш.

— Тиш, не двигайся. Видишь свет?

— Вижу.

— Смотри на него. Сейчас мы уберём несколько камней.

Лада подошла, пошатываясь.

— Дом пустой. Он прятался под навесом.

— Тем лучше. Где взять доску или жердь?

Она указала на сорванные ставни. Максим выбрал толстую доску, вместе с мужчиной подал её под балку и заклинил обломком. Получилась плохая подпорка, но на несколько минут её хватит.

— Убираем только то, что свободно, — сказал он. — Этот угол не трогать. Если посыпется, все назад.

Лада посмотрела на него внимательнее.

— Ты командуешь, как десятник.

— Я не десятник.

— Тогда кто?

— Тот, кто вытаскивает людей.

Они сняли первый ряд камней. Тиш оказался мальчиком лет девяти. Ногу прижало куском карниза, но кровь не текла. Максим просунул руку в щель, проверил ступню. Тёплая, пальцы двигаются.

— Болит?

— Очень.

— Это пока хороший ответ. Скажи, что ты делал до удара.

— Искал маму.

— Найдём и её. Сначала тебя.

Слова были привычные. Он говорил их десятки раз — в лесу замёрзшему грибнику, в овраге велосипедисту, под рухнувшим навесом рабочему. Никогда обещание не звучало гарантией. Оно означало только, что поиск начат и человек теперь не один.

Лада принесла крюк. Они завели его под карниз, просунули в рукоять обломок доски и втроём приподняли камень. Тиш выдернул ногу сам. Максим ухватил мальчика за куртку и вытянул наружу.

В ту же секунду подпорка хрустнула.

— Назад!

Все отскочили. Верхняя балка рухнула, засыпав проход пылью. Если бы они задержались на два вдоха, мальчик остался бы под ней.

Тиш вцепился Максиму в шею. От него пахло золой и кислым молоком.

— Мама у Водяных ворот, — сказал он. — Она продаёт яблоки.

Лада и Максим посмотрели друг на друга.

— Как её зовут? — спросила Лада.

— Сава.

— В чём она была?

— В зелёном платке. А что?

Лада вытерла кровь со щеки.

— Ещё одна корзина.

Максим передал мальчика старику.

— Отнесите обоих к лекарю. Тиш, слушай его. Мы найдём маму.

Мальчик не отпускал ворот его кофты.

— Обещаете?

Максим накрыл его пальцы своей ладонью.

— Обещаю искать правильно. Это значит — пока есть куда идти и новые сведения. А если придётся остановиться, я скажу почему. Договорились?

Тиш нахмурился, словно ожидал другого ответа, но кивнул.

Когда носилки скрылись в арке, Максим заметил на разбитой стене влажный отпечаток детской ступни. След шёл из-под завала к середине улицы и обрывался. Тиш был обут. Отпечаток принадлежал не ему.

— Здесь кто-то погиб? — спросил Максим.

Лада подошла к следу, не касаясь.

— Во время первой осады. В этом доме укрывались дети. Стена упала после удара.

— Сколько лет назад?

— Сорок три года.

— След мокрый.

— Они всегда мокрые, когда просыпаются.

Лада произнесла это спокойно, как говорят о дождевой воде в подвале. Потом достала из сумки кусочек белого мела и провела на стене косую черту.

— Что значит?

— Опасное место. Не ночевать, не называть имён, не оставлять детские вещи.

— Дай мел.

Она протянула ему обломок.

Максим добавил вторую черту, пересёк первую, а рядом нарисовал стрелку к безопасному проходу.

— Теперь что это значит? — спросила Лада.

— Что завал проверен, один живой найден, прохода нет, обход туда. Если мы будем искать четверых, нужны одинаковые отметки и люди, которые их понимают.

— Нас двое.

— Пока двое.

На площади за домами поднялся шум. Кто-то выкрикивал одно имя, и толпа отвечала. Максим разобрал: «Радей». Над крышами медленно поднялось знамя — чёрное, с серебряной башней и раскрытыми воротами. Оно было похоже на знак, вырезанный на яблоке.

Влажный детский след на камне повернул к площади.

Лада мгновенно сбила знамя из поля зрения поднятой ладонью, будто могла заслонить им полнеба.

— Не смотри долго. И не повторяй имя.

— Почему?

— Потому что сегодня наследник будит город.

— А город спал?

— Нет. — Она забрала у него мел, разломилла пополам и вернула часть. — В этом и беда.

Лада шагнула через влажный след, не наступив на него, и направилась вниз по улице.

— Красильщики там. Если отстанешь, под своды пойдёшь один.

Максим закрепил верёвку на плече и пошёл за ней. Позади ударил колокол. Впереди толпа снова выкрикнула имя наследника. Между двумя звуками город на мгновение затих, и тогда Максим услышал третий — мягкий шорох множества босых ног по сухому камню.

Следов становилось больше.

Глава 2. Чужой маршрут

До квартала красильщиков они добрались за семь минут, но за это время Лада трижды меняла дорогу.

В первый раз впереди показался отряд стражи. Люди в серых панцирях шли цепью и стучали копытами в двери. Лада свернула в проход между пекарней и закрытым колодцем, даже не замедлив шага.

Во второй раз на мостовой проступили мокрые следы босых ног. Следы шли навстречу, хотя улица была пуста. Лада перелезла через низкую ограду и провела Максима через чужой двор.

В третий раз она остановилась у развилки, достала из сумки медный кружок на нитке и подвесила над камнем. Кружок качнулся вправо.

— Значит, налево? — спросил Максим.

— Значит, кто-то хочет, чтобы мы так решили.

Она пошла прямо, по лестнице, которая выглядела самым неудобным путём.

Максим не спорил. Он считал повороты и отмечал их мелом: короткая черта у самой земли, чтобы не привлекать внимания. Колено ныло на спусках. Рассечённый висок Лады снова начал кровить, но она отмахнулась, когда он предложил остановиться.

— Проверяешь, не шпион ли я? — спросил он.

— Проверяю, способен ли ты идти молча.

— И как?

— Плохо.

За лестницей открылся квартал, залитый густыми запахами уксуса, мокрой шерсти и дыма. Между домами были натянуты верёвки с тканью. Синие полотнища висели неподвижно, красные вздрагивали без ветра. По желобам вдоль мостовой текла вода, окрашенная в лиловый цвет.

Здесь не было бегущей толпы. Люди стояли у дверей и смотрели на середину улицы.

Там шёл мужчина в кожаном переднике.

Он нёс на плече деревянную раму, обмотанную красной тканью. Правая нога волочилась, оставляя в лиловой воде прерывистую полосу. Каждый четвёртый шаг мужчина останавливался, наклонял раму и произносил:

— Не трогай синюю. Синяя для князя.

Потом поднимал груз и шёл дальше.

На пути стояла телега. Мужчина не обходил её. Он упёрся рамой в борт и продолжал переставлять ноги, хотя дерево давило ему в горло.

— Это один из яблочных? — спросил Максим.

— У него нет корзины.

Лада подошла к зрителям.

— Кто он?

Никто не ответил. Женщина с окрашенными до локтей руками отвела глаза.

— Если знаете имя, не кричите, — добавил Максим. — Скажите тихо.

Женщина посмотрела на его одежду, на верёвку, потом на меловую половинку в руке.

— Край. Подмастерье мастера Оги. Утром был здоров.

— Что случилось перед тем, как он пошёл?

— Знамя подняли. Потом принесли раму из старого сарая. Хозяин велел сжечь, а Край схватил.

— Кто-нибудь пытался отнять?

— Седок полез. Край сломал ему палец.

Максим обошёл мужчину по дуге. За телегой улица поворачивала к низкому зданию без крыши. На стене темнело пятно старого пожара. Мокрые следы Края совпадали с другой полосой — едва заметной, бурой, словно по камню много лет назад тащили окровавленную ткань.

— Куда ведёт путь? — спросил Максим.

Лада присела и провела пальцем над полосой, не касаясь.

— В красильню, которая сгорела в победную ночь. Здесь погиб мастер. Он спасал княжескую ткань.

— Как погиб?

Женщина с синими руками ответила:

— Втащил раму внутрь. Крыша упала.

Край продолжал идти, прижатый к телеге. Кожа на шее уже покраснела.

— Уберите телегу, — сказал Максим.

Лада схватила его за локоть.

— Тогда он дойдёт до красильни.

— Если оставить, задушит себя здесь. Нам нужно свободное место.

Он указал двум мужчинам на оглоблю. Те не двинулись.

— Вы можете помочь сейчас или потом объяснять его семье, почему смотрели. Беритесь.

Тон сработал. Телегу откатали к стене. Край пошёл дальше, не заметив перемены.

Максим следовал рядом, сохраняя два шага расстояния.

— Край, рама испорчена.

— Не трогай синюю. Синяя для князя.

— На тебе красная.

Никакой реакции.

— Он видит то, что видел погибший, — сказала Лада. — Не то, что перед глазами.

— Но Неда услышала свисток.

— На миг.

— Мига достаточно.

Максим огляделся. В мастерской у стены лежали длинные шесты. Он взял один и протянул Ладе.

— Когда войдёт во двор, закрой этим дверь красильни.

— Двери нет.

— Тогда сделай новую преграду. Не вплотную. Пусть увидит.

— Ты только что велел убрать преграду.

— Ту он не видел. Эту должен выбрать обойти.

Лада поняла. Позвала ещё двух работников. Они взяли вторую жердь и встали крестом перед чёрным входом.

Край вошёл во двор. До сгоревшей красильни оставалось десять шагов. Красная ткань на раме зашевелилась, хотя воздух был неподвижен. На ней проступили тёмные ладони.

Максим свистнул.

Край моргнул.

— Вход закрыт, — сказал Максим. — Покажи, как мастер обходит закрытый проход.

Глаза подмастерья снова затянуло отсутствием. Он дошёл до скрещённых жердей и упёрся рамой. Ноги продолжили шагать.

— Не работает, — сказала Лада.

— Он не ищет путь. Только повторяет.

Рама скрипнула. Ещё немного — и Край продавит людей вместе с шестами.

Максим взял край красной ткани. В голове вспыхнул жар. Пламя под потолком. Кашель. Мастер тащит раму, потому что на синем полотне выткан знак князя, а за потерю ткани повесят его семью. Но рама, которую несёт Край, обмотана красным. Не та вещь. Не тот приказ.

Он резко сорвал ткань.
Под ней оказалась пустая рама.
— Синей нет, — сказал Максим. — Ты несёшь не княжескую ткань.
Край застыл. Его губы повторили без звука: «Синей нет».
Лада шагнула ближе.
— Рама пустая, Край. Поставь её.
Он посмотрел на свои руки, будто увидел впервые. Потом опустил раму на мостовую.
Мокрая полоса под ногами вздулась мелкими пузырями. Из сгоревшей красильни пахнуло дымом. Край закричал и попятился.
— Не назад! — приказал Максим. — В сторону. Шагни к синей воде.
Подмастерье переставил ногу в желоб. Лиловая вода окрасила сапог. Полоса на мостовой оборвалась.
Край сел прямо в воду и схватился за горло.
Женщина с синими руками бросилась к нему. Максим перехватил её.
— Сначала уберите раму. И ткань. Не касайтесь голыми руками.
Работники завернули вещи в старый холст и унесли в каменный сарай. Только после этого Максим подпустил женщину.
Лада смотрела на сгоревший вход.
— Ты коснулся ткани.
— Да.
— Что увидел?
— Пожар. Мастера заставили спасти княжескую ткань под угрозой семье.
— Откуда ты знаешь про семью?
— Знал он.
Лада отвернулась к людям.
— Кто принёс раму?
— Дворовые Радея, — ответил хозяин мастерской. — Сказали очистить сарай от старья к празднику победы.
— Очень вовремя.
С площади донёсся далёкий рёв толпы. Имя наследника прокатилось над крышами.
Лада вытащила из своей сумки узкую дощечку и уголь. Нацарапала несколько слов.
— Что пишешь?
— Рама, двор Радея, приказ очистить сарай. Имя Края. Место старого следа.
— Значит, всё-таки карта.
— Это список.
— Карта — список, которому объяснили, где лежит каждый пункт.
— А спасатель — чужак, которому трудно молчать.
Максим усмехнулся. Лада не ответила, но уголок её рта дрогнул.
Из переулка прибежала девочка с обритой головой. Она тяжело дышала и держала в руке красное яблоко.
— У соляного двора женщина ходит кругами, — выпалила она. — Тётка Вея велела найти проводницу. У женщины зелёный платок.
Сава.
— Не носи яблоко за нами, — сказала Лада. — Положи на землю.
Девочка послушалась.
Максим накрыл яблоко обрывком красной ткани, не касаясь, и отнёс к сараю.
— Веди, — сказал он.
Соляной двор оказался круглой площадью с белыми от пыли стенами. Женщина в зелёном платке шла по краю колодца. В руках она держала невидимую корзину. Каждый круг закан-

чивался у железной скобы: женщина наклонялась, будто ставила груз, потом поднимала пустые руки и начинала снова.

На земле лежала настоящая корзина. Яблоки рассыпались, но женщина не замечала.

— Мама! — кричал мальчик за запертой дверью склада.

Максим узнал голос Тиша.

— Почему он здесь?

— Видимо, сбежал от носильщиков, — сказала Лада.

— Откройте! Я её остановлю!

— Не открывать, — приказал Максим людям у склада. — Пока она ходит, никто не входит в круг.

Он наблюдал за Савой. Семнадцать шагов от скобы до скобы. На одиннадцатом она каждый раз спотыкалась. На пятнадцатом прижимала локоть к боку. У колодца наклонялась и на миг замирала.

— Здесь кто погиб? — спросил он.

Старая женщина у ворот ответила:

— Разносчица с кухни. Её нашли утром возле колодца. С пустой корзиной.

— Она упала в воду?

— Нет. Просто умерла.

Максим присел у скобы. На железе виднелась засохшая тёмная корка. Кровь или ржавчина. От колодца тянуло холодом.

— Лада, старый маршрут заканчивается здесь, но смерть не была действием. Женщина донесла корзину и умерла после. Почему Сава продолжает круг?

— Потому что корзины снова нет у скобы.

— Она ставит её, а потом поднимает пустые руки.

— Значит, кто-то забирает в старом следе.

— Или след начинается раньше, чем мы думаем.

Максим прошёл вдоль внешней стороны круга. На известковой пыли отпечатки Савиных сапог лежали поверх множества босых следов. Все шли к колодцу. Только один возвращался к воротам.

— Кто открыл склад? — спросил он.

— Никто, — сказала старуха. — Он заперт со вчера.

— Тогда как Тиш оказался внутри?

Лада уже была у двери. Замок висел целый. Она заглянула в узкую щель.

— Тиш, как ты вошёл?

— Дверь была открыта. Я увидел маму, побежал, а потом она закрылась.

— Сама?

— Дядя закрыл.

Во дворе стало тихо.

— Какой дядя? — спросил Максим.

— В сером. У него серебряная башня на груди.

Лада выпрямилась.

— Дворовый наследника.

Максим посмотрел на людей у стены.

— Кто-нибудь его видел?

Старуха кивнула.

— Сказал, мальчик мешает завершиться роли. Велел не выпускать до конца круга.

— И вы послушались?

— Он служит княжескому дому.

— А мальчику девять.

Старуха опустила голову.

Максим подошёл к двери. Замок был простой, навесной. Ножом не открыть. Он проверил петли: штыри забиты сверху. Поддел один крюком Лады, ударил камнем. Штырь вышел на палец.

— Не успеем, — сказала Лада. — Сава ускоряется.

Женщина и правда шла быстрее. На одиннадцатом шаге уже не спотыкалась, а падала на колено. Поднималась и продолжала.

— Тогда остановим круг мальчиком, — сказал Максим.

— Ты сам велел его не выпускать.

— Пока не понял, зачем его заперли. Теперь понял.

Он выбил второй штырь. Дверь накренилась. Тиш протиснулся в щель.

— Стой рядом со мной. К маме не беги.

— Но она меня не слышит.

— Услышит, когда у неё появится выбор.

Максим подвёл мальчика к воротам двора, за границу босых следов.

— Сава! — позвал он.

Женщина продолжала круг.

— Мама! — крикнул Тиш.

На двенадцатом шаге Сава повернула голову. Ноги не остановились.

— Ей велели доставить корзину, — быстро сказал Максим. — Но её сын здесь. Что важнее для живой Савы?

— Тиш, — ответила Лада.

— Что она делает каждое утро?

Мальчик всхлипнул.

— Будит меня. Я долго сплю.

— Ещё.

— Даёт горячую лепёшку. Ругает, если я босиком.

Сава дошла до скобы, наклонилась, поставила невидимую корзину. Потянулась поднять её снова.

— Мама, я босиком! — закричал Тиш.

Это было неправдой — на нём были сапоги. Но Сава замерла. Её рука дрогнула над пустотой.

— И на улице камни! — продолжил мальчик. — Ты сама говорила!

Сава выпрямилась. Сначала посмотрела на свои руки, потом на сына.

Ноги сделали шаг вдоль старого круга.

Тиш снял один сапог и швырнул его к ней.

Сапог упал поперёк мокрого следа.

Сава переступила через него, прошла ещё два шага, остановилась. Потом вернулась, подняла сапог и прижала к груди.

По белой стене двора пробежала трещина. Из колодца донёсся долгий вздох. Босые следы в пыли исчезли разом.

Сава пошла к сыну — сначала медленно, потом побежала. Максим удержал Тиша до тех пор, пока она не вышла за прежний круг, и только тогда отпустил.

Они столкнулись у ворот. Сава опустилась на колени и стала ощупывать лицо мальчика, будто проверяла, настоящий ли он.

— Я несла яблоки, — говорила она. — Потом увидела кухню. Её ведь нет. Я знала, что нет, но должна была дойти.

— Кто дал корзину? — спросила Лада.

— Мужчина на рынке. Сказал, от княжеского двора, в честь победы. Корзина в подарок.

— Как выглядел?

— Серый плащ. Башня на застёжке.

Лада записала показания. Максим нарисовал на воротах круг, перечеркнул его и добавил стрелку наружу.

— Новый знак? — спросила она.

— Маршрут завершён не там, где раньше. Здесь безопасно, пока не вернут вещь.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому рядом точка. Она значит «проверить снова».

Лада добавила свою отметку — маленькую раскрытую ладонь.

— А это значит «не приносить вещи умерших».

— Получается язык.

— Пока только ругань на стенах.

Но мел она убрала не в сумку, а в карман, откуда можно было достать быстрее.

Третьего пропавшего нашли по крику.

Он стоял на крыше красильни и раз за разом бил молотом по железному листу. На каждый удар со стороны осадного лагеря отвечал глухой барабан. Мужчина вскидывал голову, ждал ответ и бил снова.

Крыша прогнулась. Люди внизу растянули брезент, но ткань была старая и вряд ли выдержала бы взрослого.

— Его зовут Дерен, — сказала Лада. — Жестянщик. Живёт в соседнем квартале.

— Что у него старое?

— Молот может быть старым. Или лист. Или крыша.

— Кто погиб здесь?

— Сигнальщик. В первую осаду передавал ударами сведения на северную башню. Его сняли стрелой.

Максим прикрыл глаза от солнца. Дерен стоял у самого края. На плече его куртки темнела кровь — видимо, уже задело осколком или стрелой. Он поднимал молот всё медленнее.

— Если отнять молот, ползет следом, — сказал Максим. — Если сбить, упадёт. Если перестать отвечать, возможно, будет бить до смерти.

Лада слушала спокойно.

— И что делает твой поисковый отряд, когда все пути плохие?

— Ищет тот, где ошибку можно исправить.

Он осмотрел дом. Наружной лестницы нет. До соседней крыши — полтора метра. Во дворе лежали мотки шерсти и шесты для полотнищ.

— Поднимусь сзади. Ты выясни, что означает его сигнал.

— Я не военный связной.

— Найди того, кто понимает.

Лада схватила проходящего мальчишку и отправила к северной башне. Максим связал два шеста, проверил узел и положил через промежуток между крышами. Мост получился узким и пружинил. Верёвку он закрепил на трубе, предварительно дёрнув всем весом.

— Труба старая, — предупредила Лада снизу.

— Здесь всё старое.

Он перешёл на четвереньках. Дерен не обернулся. Удар. Ответный барабан. Удар.

На крыше мокрые следы были не человеческими. Круглые пятна появлялись там, где падал молот, и тянулись к краю, словно кто-то капал водой с высоты.

Максим приблизился на длину руки.

— Дерен.

Удар.

— Сигнал принят.

Удар.

— Что передаёшь?

Мужчина повернул к нему серое лицо.

— Ворота целы. Ворота целы. Ворота целы.

Со стороны лагеря ответил барабан.

Максим прислушался. Три медленных удара, два быстрых.

— Они знают, что ты здесь, — сказал он.

— Ворота целы.

— Они отвечают специально.

Это было хуже назначения вещью. Враг поддерживал старый маршрут, значит, знал о памяти города и умел ею пользоваться.

Снизу крикнула Лада:

— С башни говорят: старый сигнал означает «смена стражи не пришла»!

— Дерен, ты передаёшь не про ворота. Ты зовёшь смену.

— Ворота целы.

— Скажи ему, что смена пришла! — крикнул Максим.

Лада оглянулась. Работники молчали.

— Кто умеет бить ответ?

Женщина с синими руками подняла ладонь.

— Мой отец служил на башне.

— Бей здесь. Как будто принимаешь пост.

Ей принесли пустой чан. Женщина взяла железный прут и ударила: быстро, быстро, пауза, медленно.

Дерен застыл с поднятым молотом.

Женщина повторила.

— Что это? — спросил Максим.

— «Смена здесь. Спускайся».

Дерен опустил молот. Не бросил — бережно положил на крышу. Потом шагнул к краю, где когда-то могла стоять лестница.

— Стой! Лестницы нет.

Но старый сигнальщик помнил её.

Максим рванулся вперёд, обхватил Дерена за пояс и повалил на крышу. Мокрые круглые следы метнулись к ним. Дерен бился, пытаясь ползти к краю.

— Ответ был! — крикнул Максим ему в ухо. — Смена пришла с другой стороны. Смотри!

Внизу женщина снова ударила по чану и подняла синий кусок ткани.

Дерен увидел.

— Смена здесь, — сказала она. — Я принимаю пост добровольно.

Слово «добровольно» подействовало сильнее сигнала. Дерен перестал вырываться.

— Добровольно? — переспросил он.

— Да.

Влажные пятна на крыше собрались в одну линию. Она повернула не к прежней лестнице, а к мосту из шестов.

Максим помог Дерену подняться.

— Идём туда, где дорога есть сейчас.

Они перешли на соседнюю крышу. Как только Дерен ступил на неё, со стороны врага загрохотал барабан — часто, яростно. Мужчина вздрогнул, но не повернул.

Лада встретила их на чердачной лестнице.

— Трое, — сказала она. — Край, Сава, Дерен. Ты обещал найти четверых яблочных, а спас троих разных.

— Край и Дерен не были яблочными. Значит, назначений больше.

— Это я и проверяла.

— Что именно?

— Умеешь ли ты замечать, когда задача изменилась. Чужак, который цепляется за первое объяснение, здесь долго не живёт.

Максим посмотрел на неё.

— Ты знала про Край и Дерена?

— Про Край мне сказали у лестницы. Про Дерена — когда девочка побежала за мной. Я не знала, что ты сделаешь.

— Можно было предупредить.

— Можно было отправить тебя под своды.

— И всё же не отравила.

Лада коснулась рассечённого виска и поморщилась.

— Пока не решила.

На улице появились трое стражников. На серых панцирях блестели серебряные башни. Впереди шёл широкоплечий человек с бритым подбородком. Тот же знак был на застёжке его плаща.

Люди расступались перед ним.

— По приказу наследника все вещи, пробуждённые сегодня, переходят во двор, — объявил он. — Назначенных записать. Чужака передать мне.

Максим заметил, как Лада незаметно закрыла сумкой дощечку с именами.

— На каком основании? — спросила она.

— Город готовится повторить победную ночь. Наследник должен знать, кого выбрали стены.

— Стены никого не выбирали, — сказал Максим. — Людям раздали вещи.

Стражник перевёл взгляд на него.

— Ты понимаешь нашу речь.

— Как видишь.

— Имя.

Лада резко наступила Максиму на носок.

Не называй себя. Они услышат — так сказал голос в мёртвой рации, когда он очнулся.

— Он ещё не дал имени городу, — ответила Лада. — По закону проводников до заката он под моей защитой.

— Закон проводников кончился вместе со старым князем.

— Тогда почему ты его помнишь?

Стражник улыбнулся без радости.

— Потому что завтра его отменяют вслух.

Он протянул руку к Максиму.

На крыше за спиной снова ударил молот. Один раз.

Дерен стоял у края, но теперь смотрел не на вражеский лагерь, а на стражу. Женщина с синими руками подняла железный прут. Работники красильни молча взяли за шесты.

Лада сказала тихо:

— Если заберёшь чужака сейчас, квартал решит, что ты пришёл вернуть им роли.

Стражник оценил людей вокруг. Убрал руку.

— До заката, проводница. Потом он явится во двор и даст имя наследнику.

— Если доживёт.

— Если город позволит.

Стража забрала завёрнутую раму, молот Дерена и корзину Савы. Красное яблоко старший поднял голой рукой. На мгновение его пальцы сжались, будто плод обжёг, но он сунул яблоко в мешок.

Когда отряд ушёл, Максим спросил:

— Почему нельзя назвать имя?

— Потому что имя — один из способов назначить роль. Вещь — другой. Описание — третий.

— «Чужак со странной верёвкой» уже похоже на описание.

— Поэтому нам нужно убрать тебя с улицы.

— Сначала остальные яблочные.

Лада покачала головой.

— Водяные ворота далеко. До заката меньше двух часов. Наследник уже знает о тебе. А ты касался трёх следов за одно утро и до сих пор стоишь на ногах. Мне нужно понять почему.

— Мне тоже.

— Тогда идём к Мирену. Он осмотрит тебя и тех, кого мы нашли. После — карта.

— Список, которому объяснили, где лежит каждый пункт?

— Не привыкай побеждать в спорах.

Она отломила от своего мела ещё кусочек и протянула Максиму.

— Это зачем?

— Чтобы не рисовал мои знаки неправильно.

Они вышли из квартала другой дорогой. Теперь Лада не пыталась оторваться. У каждой развилки она называла улицу и ждала, пока Максим поставит отметку. За ними шли двое работников с носилками для Дерена и Края, Сава вела Тиша за руку.

Получалась маленькая поисковая группа, хотя никто ещё не назвал её так.

На последнем повороте Максим оглянулся. На крыше красильни проступила одинокая мокрая полоса. Она дошла до края, где прежде стояла лестница, остановилась и медленно повернула к новому мосту.

Город запомнил изменение.

А со стороны княжеского двора уже несли следующую старую вещь.

Глава 3. Последнее движение

Дом лекаря стоял между баней и кладбищенской стеной, будто в городе заранее решили не тратить время на дальнюю дорогу.

Над дверью не было ни чаши, ни змеи, ни другого знака, который Максим мог бы принять за медицинский. На притолоке белела ладонь с растопыренными пальцами. Лада приложила к ней свою руку, толкнула дверь плечом и сразу крикнула:

— Мирен, у нас четверо живых и один слишком любопытный чужак.

— Живых ставь справа, любопытного слева.

Голос донёлся из глубины дома. В первой комнате пахло уксусом, тёплой водой и жжёной шерстью. На лавках сидели раненые после утреннего обстрела. Мужчина держал прижатую к щеке мокрую тряпицу, девочка обнимала перевязанную руку, старик дышал коротко и неглубоко. Между ними быстро ходил широкоплечий лекарь с седой полосой в чёрных волосах.

Он не стал спрашивать, откуда появился Максим. Сначала указал, куда положить Края и Дерена, усадил Саву возле печи и велел Тишу считать её вдохи. Потом поймал Ладу за подбородок, повернул к свету и осмотрел рассечённый висок.

— Рану промывала?

— Дождём.

— Дождь не идёт третий день.

— Тогда потом.

— Сядь.

Лада села. Мирен передал девочке с перевязанной рукой миску и чистую ткань.

— Промой проводницу. Если она попробует встать, позови меня.

— Я позову громко, — пообещала девочка.

Только после этого лекарь подошёл к Максиму.

— Показывай руки.

— Почему руки?

— Потому что люди, которые лезут в чужую беду, обычно сначала портят руки.

Максим разжал пальцы. Костяшки были содраны, в правую ладонь въелась красная краска. Мирен понюхал её, растёр между пальцами и провёл тупой иглой по коже от запястья к большому пальцу.

— Чувствуешь?

— Да.

— А это?

— Холоднее.

— Хорошо. Голова кружится?

— Нет.

— Чужие голоса слышишь?

Максим посмотрел на мёртвую рацию у плеча.

— Один слышал, когда очнулся. Сказал не называть имени.

Лада дёрнулась, и девочка немедленно пригрозила ей мокрой тканью.

— Какой голос? — спросил Мирен.

— Мужской. Через эту штуку.

Лекарь взял рацию двумя пальцами, повертел, нажал кнопку. Пластик сухо щёлкнул.

— В ней нет ни струны, ни пластины.

— Там должны быть батарея и плата. Сейчас она мёртвая.

— Мёртвые вещи здесь разговорчивее живых.

Мирен вернул рацию, будто она могла укусить. Затем осмотрел колено Максима и велел согнуть ногу.

— Ушиб. До ночи распухнет. Бегать сможешь, если не жалеешь завтрашнего себя.

— А те трое?

— Сначала ты расскажешь, что с ними делал.

Максим рассказал коротко: пустая рама, сын за воротами, сигнал смены. Мирен не перебывал, только время от времени задавал точные вопросы. Касался ли Максим вещей. В какой момент назначенные впервые отвечали. Помнили ли они происходившее после. Изменился ли след на камне.

— Ты спрашиваешь так, будто уже видел похожее, — заметил Максим.

— Я двадцать два года лечу людей, которых город считает умершими не до конца.

— И что им помогает?

— Иногда еда. Иногда сон. Иногда сломать вещь, которую им сунули в руки. Иногда ничего.

— Это не ответ.

— Это честнее ответа, который понравится чужаку.

Мирен подошёл к Краю. Подмастерье лежал с закрытыми глазами, но пальцы продолжали сжиматься вокруг невидимой рамы. На шее проступили багровые полосы.

— Край, — позвал лекарь.

Пальцы сжались сильнее.

— Не трогай синюю, — прошептал он.

Мирен приподнял ему веко, посчитал удары сердца, затем велел принести из кладовой маленький синий лоскут. Максим встал между ним и лежанкой.

— Не надо снова давать ему старую вещь.

— Она новая. Моя дочь покрасила её прошлой весной.

— Цвета хватит?

— Вот и узнаем.

Он вложил лоскут в раскрытую ладонь Края. Пальцы перестали искать раму и сомкнулись на ткани. Дыхание выровнялось.

— Синяя для князя, — сказал Край, но теперь вопросительно.

— Синяя твоя, — ответил Мирен. — Ты получил её после пожара. Возьми и лежи.

Край открыл глаза. Посмотрел на лоскут, потом на потолок.

— Я был внутри.

— В сгоревшей красильне?

— Не я. Руки мои, а жар чужой. Он знал, что крыша упадёт. Знал и всё равно тащил. Потому что дома были жена и две девочки. Княжеский приказ держал их крепче огня.

Лада отодвинула миску.

— В старой летописи сказано, что мастер добровольно спас знамённую ткань.

— Может, он и хотел её спасти, — сказал Максим. — Но добровольный поступок не приходится подкреплять угрозой семье.

Мирен взглянул на него внимательно.

— Ты быстро выбираешь сторону.

— Я выбираю то, что вижу.

— В Гранце этого достаточно, чтобы стать врагом половине улицы.

Лекарь забрал лоскут у Края. Пальцы подмастерья снова дрогнули, но не поднялись. Мирен положил ткань рядом, в пределах зрения.

— Память осталась, приказ ослаб, — сказал Максим. — Значит, одно не равно другому.

— Произнеси проще.

— Он помнит пожар, но уже не обязан туда идти.

— Так лучше.

Сава сидела возле печи, обхватив себя руками. Тиш исправно считал её вдохи, сбивался после девяти и начинал сначала. Когда Мирен присел рядом, женщина спросила:

— Разносчица умерла у колодца?

— Да.

— От чего?

— От ножевой раны под рёбрами. Она донесла пустую корзину и села. Её нашли на рассвете.

Сава прижала ладонь к боку.

— На одиннадцатом шаге стало больно. Потом уже не переставало. Я думала, если донесу, боль кончится.

— Она кончилась, когда ты повернула к сыну, — сказал Максим.

— Нет. Тогда стала моей.

Он не сразу понял.

Сава подняла рубаху. На коже не было раны, только красное пятно там, где когда-то вошёл чужой нож.

— Пока я шла, — объяснила она, — боль была как сон. Страшно, но далеко. Когда услышала Тиша, проснулась внутри неё. Всё чувствовала. Всё равно пошла к нему.

Мирен коснулся пятна.

— След уйдёт к вечеру.

— А если не уйдёт?

— Тогда ко мне придёшь ты, а не мёртвая разносчица.

Тиш перестал считать и взял мать за руку. Сава поморщилась, но не отняла ладонь.

Максим подошёл к Дерену. Жестянщик сидел на полу возле окна, завернувшись в серое одеяло. Его взгляд всё время возвращался к крыше соседнего дома. Там ветер покачивал жестяной флюгер.

— Как звали сигнальщика? — спросил Максим.

— Орш, — ответила Лада. — Он погиб в победную ночь.

— Как?

Дерен заговорил раньше неё:

— Дождлся смены.

Его зубы стучали.

— Я ударил последний раз. Снизу ответили, что идут. Я положил молот. Потом лестница сломалась. Нет. Её сняли. Её не было, когда я повернулся. Я шагнул туда, где она должна быть.

— Орш погиб от падения, — сказал Мирен.

— Тогда почему последнее действие — сигнал, а не шаг с крыши? — спросил Максим.

Никто не ответил.

Он повторил вопрос медленнее:

— Если камень запоминает всё подряд, Дерен должен был снова шагнуть с края. Но сначала он бил сигнал. Сава должна была повторять удар ножа или падение. Край — момент, когда его придавило крышей. Вместо этого каждый делал то, что погибший решил сделать до смерти.

Лада поднялась, несмотря на возмущение девочки.

— Орш мог не заметить, что лестницу сняли.

— Именно. Шаг в пустоту не был выбором. Он думал, что спускается. Город сохранил не движение ноги, а решение закончить смену.

Мирен вытер руки.

— Камень не умеет знать решение.

— Но отличает его от случайности.

— Камень отличает кровь от воды и тепло от холода. Остальное люди додумывают.

— Тогда почему след не повёл Дерена с крыши?

— Повёл.

— После того как смена ответила. Сначала заставил закончить сигнал. А Сава снова и снова несла корзину, потому что её кто-то убирал. Роль пыталась закончить дело, а не повторить каждый вздох.

Лада посмотрела на дощечку с записями.

— Неда несла яблоко к стене. Служанка решила отнести его дозорным.

— Край решил спасти ткань. Разносчица решила доставить корзину. Орш решил дожидаться смены. Город держит последнее действие, которое человек считал своим и успел начать.

— Последнее осознанное действие, — тихо сказал Мирен.

Эта фраза легла в комнату тяжелее врачебного приговора.

С улицы донеслись три удара колокола. Все раненые одновременно подняли головы. Мирен пересчитал их взглядом, словно боялся, что кто-нибудь уже встал на чужую дорогу.

— До заката час, — сказала Лада.

— Если мы правы, — продолжил Максим, — роль можно оборвать не только помехой. Нужно дать живому совершить другое действие по собственной воле. Такое, которое он понимает и выбирает.

— Поэтому сработало слово «добровольно», — сказала женщина с перевязанной щекой. Она всё это время слушала с соседней лавки.

— Поэтому Сава пошла к сыну, — добавила девочка.

Мирен нахмурился.

— Не превращайте догадку в лекарство после трёх случаев.

— Четырёх, — поправила Лада. — Неда взяла верёвку и потянула к себе.

— И каждый мог закончиться смертью.

— Если ничего не делать, они ею и закончатся, — сказал Максим.

Из задней комнаты раздался грохот. Потом кто-то вскрикнул.

Мирен первым бросился туда.

На полу среди разбитых горшков стоял старик в одной рубаше. До этого Максим видел его на лавке: тот дышал коротко, держась за грудь. Теперь старик распрямился. В правой руке он сжимал хирургическую пилу, в левой — кожаный ремень.

Перед ним на столе лежал мальчик лет двенадцати с перевязанной ногой. Мальчик вжался в стену и не мог сползти: ногу удерживала деревянная шина.

— Вар! — крикнул Мирен. — Положи пилу.

Старик не слышал. Он затянул ремень вокруг предплечья мальчика и поднял пилу.

Максим увидел на полу раскрытый деревянный ящик. Внутри лежали потемневшие инструменты. На крышке был выжжен тот же знак, что на старой кладбищенской стене: три короткие черты под дугой.

— Чей ящик? — спросил он.

— Моего учителя, — ответил Мирен. — Его принесли после обстрела. Я велел убрать.

— Как он умер?

— Здесь. В первую осаду. До последнего резал раненых, чтобы не пошла чёрная кровь.

Старик Вар прижал пилу к здоровой руке мальчика.

— Какое было последнее действие?

— Ампутация.

— Успешная?

Мирен побледнел.

— Нет. Больной умер на столе.

Вар потянул пилу. На коже выступила кровь.

Максим подскочил сбоку и схватил старика за запястье. Тот оказался неожиданно сильным. Пила дёрнулась, оставляя тонкий порез. Мальчик закричал.

— Не вырывай! — предупредила Лада. — Он сломает ему руку.

Максим увидел, что ремень затянут не как жгут. Он привязывал мальчика к старому столу. Учитель Мирена не только резал — удерживал пациента, который пытался уйти.

— Вар не лекарь, — сказал Максим. — Почему роль взяла его?

— Он лежал рядом с ящиком. На нём кровь мальчика после перевязки.

— Описание: старый лекарь у раненого. Этого хватило.

Вар повернул голову. Его глаза были полны ужаса, хотя руки продолжали работу.

— Держите плечо, — прохрипел он чужим голосом. — Если дойдёт до локтя, не спасти.

Мирен шагнул к столу.

— Учитель, больной уже умер. Ты режешь другого.

— Держите плечо!

— Он не видит лица, — сказал Максим. — Видит задачу.

Пила снова пошла вперёд. Максим прижал запястье старика к столу, но костяшки ослабли после утренней верёвки. Долго он не удержит.

— Мальчик, как тебя зовут?

— Олвен.

— Чего ты хочешь сделать сам?

— Уйти!

— Не вообще. Прямо сейчас. Руками.

Олвен всхлипнул, посмотрел на свободную ладонь.

— Развязать ремень.

— Тогда развязывай. Лада, помоги только добраться до узла. Не делай за него.

Она нырнула под руку Вара, повернула ремень пряжкой вверх. Олвен нащупал язычок.

Пальцы дрожали и соскальзывали.

— Быстрее! — крикнул Мирен.

— Не торопи, — оборвал его Максим. — Он должен понимать, что делает.

Старик навалился всем весом. Зубья пилы царапнули стол возле плеча Олвена.

— Я развязываю себя, — сказал мальчик.

— Ещё раз.

— Я развязываю себя. Я не ваш больной.

Пряжка раскрылась.

Мальчик выдернул руку и ударил Вара раскрытой ладонью по груди. Удар был слабым, но старик отшатнулся, словно его толкнули бревном. Пила выпала.

На каменной плите под столом выступил тёмный отпечаток ладони. Не старой, длинной палой, а маленькой — Олвена. Он продержался несколько мгновений и исчез.

Вар опустился на колени.

— Я резал его, — прошептал он своим голосом.

— Нет, — сказал Максим. — Ты держал пилу. Это не одно и то же.

— Для руки одно.

Мирен перевязал порез Олвена, затем поднял старый ящик и со злостью захлопнул крышку.

— Я сам принёс это в дом десять лет назад. Думал, нельзя выбрасывать инструменты учителя.

— Где они лежали до сегодня? — спросила Лада.

— В стенном шкафу. Запертые.

— Кто открыл?

Из первой комнаты ответила девочка:

— Человек с башней. Приходил утром, пока ты был у южного пролома. Сказал проверить запасы перед победной ночью.

Мирен замер.

— Почему ты не сказала?

— Он был из дворца.

— Поэтому и надо было сказать.

Лекарь вынес ящик во двор. Максим пошёл следом. Двор был вымощен разными плитами: серыми, белыми, почти чёрными. У водосборной бочки Мирен поставил ящик на землю и принёс молот.

— Не ломай пока, — попросил Максим.

— Там только железо и смерть.

— И доказательство. Радей раздаёт вещи не случайно.

— Моему дому доказательство чуть не отпилило ребёнку руку.

— Тогда обезвредим и сохраним.

Лада сняла с верёвки мешок для белья. Инструменты по одному завернули в чистую ткань, перевязали и сложили внутрь. Старый ящик Максим осмотрел снаружи. На дне обнаружилась свежая царапина в форме серебряной башни. Метка дворовых.

Мирен плюнул на неё.

— Принеси свой список, проводница.

— Зачем?

— Будем делать карту, пока чужак не лопнул от правоты.

Они вернулись в переднюю комнату. Лада разложила на столе три дощечки. Максим попросил большой лист или кусок ткани. Бумаги не оказалось, зато Мирен отдал старую простыню. Они натянули её на дверь кладовой. Лада углём нарисовала стену, ворота, княжеский двор, красильни, соляной двор и дом лекаря.

— Места смерти, — сказал Максим.

Лада поставила четыре чёрных крестика.

— Места, где вещь нашли утром.

Появились кружки.

— Кто принёс.

Возле каждого кружка она нарисовала маленькую башню.

— Теперь не вывод, а то, что точно знаем. Рама из сарая. Корзина у колодца была Савина, но яблоко принесла девочка после приказа тётки. Молот Дерен взял из жестянской. Ящик открыл дворовый.

— И Неде дали яблоко со знаком кухни, — напомнила Лада.

— Значит, они не всегда приносят старую вещь. Иногда достаточно отметить новую знаком прежнего владельца.

Мирен провёл пальцем между крестиками.

— Все умерли в одну ночь.

— В победную? — спросил Максим.

— Да. Но в разных местах и не одновременно.

— Что их связывает кроме ночи?

Лада перечислила: служанка несла яблоко дозорным; мастер спасал княжескую ткань; разносчица доставляла еду; сигнальщик ждал смену; лекарь резал раненого.

— Каждый поддерживал оборону, — сказал Мирен.

— Или был вынужден её поддерживать, — добавил Максим. — Радей собирает не людей. Он собирает действия, из которых состояла та ночь.

— Зачем повторять мелочи? — спросил Тиш. — Победа же уже была.

Взрослые посмотрели на него.

— Хороший вопрос, — сказал Максим.

Лада поставила угольную точку в центре простыни, там, где находился княжеский двор.

— На площади сегодня поднимут знамя деда Радея. Он объявит, что через три дня город повторит победную ночь. Я думала, это речь для напуганных.

— А это план работ, — сказал Максим.

— План чего?

— Пока не знаю. Но если ему нужны именно последние осознанные действия погибших, случайными людьми он не обойдётся. Ему понадобятся имена, вещи и места всех участников.

Мирен достал из-под стола глиняный кувшин, налил воды и передал Максиму.

— Пей. У тебя лицо человека, который сейчас возьмёт ответственность за целый город и забудет про собственное колено.

— Я пока отвечаю за тех, кого могу достать.

— Так обычно и начинается целый город.

В дверь постучали условным ритмом: два раза, пауза, ещё два. Лада спрятала дощечки, Максим накрыл простыню плащом. Мирен открыл.

На пороге стоял худой юноша с тубусом за спиной. Волосы у него были срезаны ножом неровно, на щеке темнело чернильное пятно.

— Дан, — сказала Лада. — Ты должен быть у северной башни.

— Уже не должен. Меня выгнали.

— За что?

— Я нарисовал то, что видел.

Юноша вытащил из тубуса свёрнутую карту. На ней был изображён Гранец с внутренними улицами и вражескими позициями. Поперёк Нижнего города тянулись красные линии, сходящиеся у западных ворот.

— Дворовые потребовали нанести маршруты победной ночи, — сказал Дан. — По старым записям. Я нанёс. Потом увидел, что часть ведёт не на стены, а от домов к запёртым складам. Сказал об этом. Начальник карт сбросил лист со стола и велел забыть.

Максим развернул карту на полу. Красные линии были тонкими, но каждая имела подпись и маленький знак предмета: корзина, копьё, ключ, ведро, знамя.

— Это не история боя, — сказал он. — Это список назначений.

— Я тоже так подумал, — ответил Дан. — Поэтому сделал копию.

Лада положила рядом простыню. Крестики совпали с пятью началами красных линий.

— Откуда у двора сведения о последнем действии каждого погибшего? — спросил Максим.

Дан пожал плечами.

— От хранителей стены. После первой осады они допрашивали свидетелей и записывали, кто где был замечен в последний раз. Книги лежат под башней Памяти.

— Кто имеет доступ?

— Наследник. Старший хранитель. Писцы по его приказу.

С площади снова донёсся колокол. На этот раз один длинный удар. За окнами люди начали закрывать ставни.

— Последний зов перед речью Радея, — сказала Лада. — Нам нужно решить, что делать с твоим именем.

— Я уже решил. Не давать его наследнику.

— Тогда он назовёт тебя сам: чужак с оранжевой верёвкой. Описания достаточно.

Максим снял моток с плеча. Девять метров верёвки были единственной вещью из его мира, которая работала здесь как прежде. Без неё он бы не вытащил Неду, не удержал Дерена,

не спустился с обрушенной стены. Отдать её означало лишиться инструмента. Оставить на виду — подарить двору готовое описание.

— Можно изменить вещь? — спросил он.

— Как?

Максим протянул нож Ладе.

— Отрежь кусок.

— Ты сам не можешь?

— Могу. Но хочу проверить правило. Сейчас эта верёвка принадлежит мне. Если ты добровольно берёшь часть, она становится твоей вещью и уже не описывает меня целиком.

Лада не взяла нож.

— Ты предлагаешь испортить то, что спасло четверых, ради догадки.

— Я предлагаю сделать из одного инструмента два.

Она всё ещё колебалась.

— Решай сама, — сказал Максим. — Не ради опыта. Нужна ли тебе верёвка как проводнице?

Лада посмотрела на рассечённые ладони, на карту Дана, на людей в комнате. Потом взяла нож и отмерила длину от ладони до противоположного плеча.

— Нужна.

Она перерезала верёвку. Волокна сопротивлялись сильнее обычной пеньки. Максим подплавил концы над свечой, скрутил и отдал короткий кусок Ладе. Та завязала его вокруг пояса, рядом с медным кружком.

На каменном полу возникла тонкая оранжевая линия. Она раздваивалась между ними и через секунду погасла.

Мирен медленно выдохнул.

— Город это увидел.

— Город видит добровольное изменение, — сказал Дан.

— Не город, — возразил Мирен по привычке. — Камень.

— Какая разница, если камень слушает лучше людей? — спросил Тиш.

На этот раз никто ему не ответил.

Максим смотал оставшуюся верёвку. Семь с небольшим метров. Меньше, чем хотелось, достаточно для работы.

— Дан, можешь сделать копии карты без подписей?

— Сколько?

— Для начала шесть. Отдельно каждый квартал. Если одну заберут, остальные останутся.

— На чём?

Мирен обречённо снял со шкафа ещё две простыни.

— Моя жена убьёт меня раньше осады.

— Скажешь, что спасал город, — предложила Лада.

— Она спросит, почему город нельзя было спасти на старых занавесках.

Люди впервые за утро засмеялись. Даже Вар, которому Мирен перевязывал запястье, коротко хмыкнул. Смех вышел нервным, но своим. Не унаследованным.

Лада подняла плащ и снова посмотрела на простыню с крестиками.

— До речи Радея осталось немного. Если не придём, он объявит тебя беглецом. Если придём, попробует назначить.

— Значит, придём не одни.

— Кого ты хочешь взять? Раненых?

— Свидетелей. Края, Саву и Дерена не поведём. Они должны отдыхать. Возьмём тех, кто видел вещи и людей с башнями. Дана с копией карты. Мирена, если согласится рассказать про ящик.

Лекарь завязал последний узел на повязке Олвена.

— Я не люблю площади.

— Почему?

— Там слишком много больных и ни одного места, куда их положить.

— Это согласие?

— Это жалоба. Но да.

Вар поднял голову.

— Я тоже пойду.

— Нет, — одновременно сказали Мирен и Максим.

Старик сжал перевязанные руки.

— Я держал пилу.

— Поэтому останешься рядом с Краем и Дереном, — сказал Максим. — Если они снова начнут чужое движение, напомним им, что рука может остановиться.

— А если не послушают?

Максим достал свисток и положил на стол.

— Один длинный сигнал. Мы вернёмся.

Он сразу почувствовал потерю. Свисток много лет висел у него на груди: на учениях, в лесных поисках, на берегу весенней реки. Но Вар смотрел уже не на собственные руки, а на маленькую металлическую вещь.

— Беру добровольно, — сказал старик.

— И возвращаешь, когда я попрошу.

— Если будешь жив.

— Справедливо.

На полу не появилось света. Только обычная тень от стола. Значит, не всякий выбор камень считал важным. Или не всякий успевал запомнить.

Максим надел разгрузочный жилет, проверил карабин и спрятал моток под плащ Мирена. Оранжевый конец всё равно выглядывал у пояса, но теперь описание стало неточным.

Перед выходом Мирен задержал его у двери.

— Ты нашёл красивое правило. Такие правила опаснее всего.

— Потому что кажутся окончательными?

— Потому что человек начинает подгонять под них чужую боль. Запомни: последнее осознанное действие — не обязательно доброе. Не обязательно смелое. Не обязательно то, чем погибший хотел бы остаться в памяти.

Максим вспомнил мастера, который спасал ткань под угрозой семье, и лекаря, продолжавшего резать уже обречённого пациента.

— Значит, мы не должны его заканчивать только потому, что оно последнее.

— Вот это правило мне нравится больше.

На улице сумерки уже наполняли узкие проходы, хотя над стенами ещё горело солнце. Из домов выходили люди и шли к площади. Некоторые несли фонари, другие — старые вещи: щиты, корзины, медные чаши, связки ключей. У каждого предмета стоял дворовый с серебряной башней и отмечал владельца на дощечке.

Лада коснулась нового куска верёвки на поясе.

— Видишь? Весь город несёт им способы назначить себя.

— Они думают, что несут память.

— Иногда это одно и то же.

— С этого вечера — нет.

Они пошли к площади впятером: Максим, Лада, Мирен, Дан и Олвен. Мальчика хотели оставить, но он отказался.

— Это моя рука, — сказал он. — Я сам расскажу, кто хотел её отрезать.

Максим не стал спорить. Право прекратить опасный путь должно было означать и право продолжить его по своему выбору.

На повороте им встретился отряд серых панцирей. Впереди шёл тот самый широкоплечий стражник, который забрал вещи в квартале красильщиков. За его спиной слуги несли раму Края, корзину Савы, молот Дерена и красное яблоко. Все предметы были привязаны к одному шесту, как знаки будущего шествия.

— Чужак, — сказал стражник. — До заката ты должен дать имя наследнику.

Максим посмотрел на солнце. Нижний край ещё не коснулся стены.

— До заката есть время.

— Тогда идём вместе.

— Идём. Только вещи оставьте здесь.

Стражник усмехнулся.

— Они принадлежат городу.

— Нет. Рама принадлежит мастерской. Корзина — Саве. Молот — Дерену. Яблоко можно съесть.

— Наследник решит.

— Вот поэтому он их и собирает.

Люди вокруг замедляли шаг. Дан достал карту. Мирен положил ладонь на плечо Олвена. Стражник заметил перевязанную руку мальчика и нахмурился.

— Что с ним?

— Спроси у человека с серебряной башней, который открыл ящик мёртвого лекаря, — ответил Мирен.

На лице стражника впервые появилась не уверенность, а усталость.

— Я не открывал никакого ящика.

— Но знаешь, кто открывал.

Он молчал достаточно долго, чтобы ответ стал понятен.

С площади раздался голос, усиленный медными трубами:

— Жители Гранца! Сегодня стены снова назовут верных!

Толпа качнулась вперёд. Предметы на шесте дрогнули. Красное яблоко повернулось знаком старой кухни к Максиму.

В мёртвой рации у его плеча зашипело.

Все вокруг продолжали идти и, кажется, ничего не слышали.

— Максим Лавров, — произнёс далёкий мужской голос. — Если назовут полностью, не отвечай.

Связь оборвалась.

Максим замер.

Лада схватила его за локоть.

— Что?

Он посмотрел на башню, где над старым знаменем стоял наследник Радей.

— Они уже знают моё имя.

Глава 4. Наследник на башне

Площадь перед внутренней башней была устроена так, чтобы человек внизу чувствовал себя меньше собственного голоса. Каменные ступени сходились к круглому провалу старого колодца, балконы нависали один над другим, а над ними поднималась узкая площадка с медными трубами. По трубам голос Радея Варна стекал на площадь сразу с четырёх сторон. Нельзя было понять, где он говорит и куда смотреть.

Максим смотрел не на наследника, а на людей у выходов.

Серые панцири стояли в каждом переулке по шестеро. Дворовые с серебряными башнями принимали вещи, прикрепляли к ним бирки и складывали в длинные решётчатые короба. Короба не запирали. В этом не было нужды: хозяева сами отдавали семейные чаши, ремни, ножи, детские башмаки, ключи без замков. Кто-то крестил вещь пальцами, кто-то целовал, кто-то быстро отворачивался. Над всем этим качалось старое знамя — тёмное полотнище с белой башней, рассечённой наискось красной полосой.

— Не отвечай, — тихо повторила Лада.

— Я слышал.

— Не голос. Меня.

Максим кивнул. Рация под плащом снова стала куском пластика и металла. Он не знал, кто мог назвать его полностью. В Гранце он говорил только «Максим». Фамилия осталась на нагрудной нашивке, но буквы здесь никто не читал. Значит, неизвестный голос либо пришёл вместе с ним, либо говорил оттуда, откуда он пришёл.

Проверить это сейчас было невозможно. Зато можно было проверить площадь.

— Дан, сколько выходов?

Юноша уже развернул свою копию карты на предплечье.

— Семь. Два ведут к Верхнему городу, три к жилым улицам, один к казармам и один вниз, к старому водосбросу.

— На каком меньше стражи?

— На водосбросе. Но там решётка.

— Решётка открывается?

— Всё открывается, если знать, кто потерял ключ.

Лада бросила на него короткий одобрительный взгляд.

— Семь выходов, — сказал Максим. — Запоминаем ближайшие. Если толпа двинется, не спорим с ней и не идём поперёк. Уходим вдоль края. Мирен держит Олвена. Дан — карту. Лада идёт первой.

— А ты? — спросил Олвен.

— Последним.

— Начальники всегда так говорят?

— Плохие — только говорят.

Мирен подтолкнул мальчика к стене дома. Там было меньше людей, зато хорошо видна башня. Стражник, встретивший их в переулке, повёл шест с отнятыми вещами к коробам. Максим шагнул за ним.

— Я сказал оставить вещи.

— А я сказал: решит наследник.

— Вещи ваши? — громко спросил Максим.

Рядом обернулись. Стражник сделал ещё шаг, но шест был длинным, а толпа плотной. Пришлось остановиться.

— Городские, — ответил он.

— У города есть руки?

— Есть стража.

— У рамы есть хозяин Край. У корзины — Сава. У молота — Дерен. Они просили отдать? Стражник положил ладонь на рукоять меча. Не вытащил — площадь смотрела.

— Наследник велел собрать знаки верности.

— Тогда почему собирали без спроса?

Вопрос подхватили не словами, а движением. Люди возле коробов перестали протягивать вещи. Старуха прижала к груди медную миску. Мужчина с дверным засовом опустил руку. Дворовые зашептались, требуя не задерживать очередь.

На башне Радей поднял ладонь.

Трубы умолкли. Вместе с ними почему-то стихла площадь.

Наследнику было не больше тридцати. Он стоял без шлема, в простом тёмном панцире, и белые пряди у висков казались следами каменной пыли. Не красавец с монеты и не бешеный мальчишка, каким Максим успел его представить. Лицо худое, спокойное, внимательное. Такой человек не перекрикивает возражения. Он ждёт, пока остальные устанут кричать.

— Поднимите чужака ко мне, — сказал Радей.

Медные трубы разнесли приказ по четырём сторонам.

Стражник усмехнулся.

— Теперь решил.

— Нет, — ответил Максим. — Решил поговорить.

К башне вела наружная лестница без перил. Лада пошла рядом, но двое серых панцирей скрестили перед ней копьё.

— Только чужак.

— Тогда чужак останется здесь, — сказала она.

Радей слышал их через медные чаши у подножия лестницы. Он чуть наклонил голову.

— Проводница Лада Сень может подняться. Лекарь Мирен, рисовальщик Дан Кест и мальчик Олвен пусть встанут у первой площадки. Я хочу услышать всех свидетелей.

Дан побледнел, услышав полное имя. Лада не шелохнулась, но Максим заметил, как её пальцы сжали край плаща.

— Он называет тех, кого может назначить? — спросил Максим.

— Пока только показывает, что знает, — ответила она.

Они поднялись. На первой площадке стража оставила Мирена, Дана и Олвена. Выше пропустили только Максима и Ладу. Ступени были потёрты посередине тысячами ног. На каждой третьей темнела врезанная в камень металлическая полоска.

— Что это?

— Счёт шагов, — сказала Лада. — В победную ночь сюда поднимались гонцы. Старый князь хотел знать, на какой высоте их настигнет стрела.

— Заботливый человек.

— У нас ему поставили памятник.

Наверху ветер ударил сильнее. Отсюда были видны зубцы внешней стены, дым над Нижним городом и далёкие вражеские костры. Осаждавшие не прятались. Их лагерь охватывал Гранец неровным полукольцом, оставляя с севера голые серые скалы. На одной из скал мигал отражённый свет — наблюдатель следил за башней.

Радей стоял возле длинного стола. На столе лежали вещи: детский башмак, медная ложка, сломанная пряжка, засохший венок, рукоять меча без клинка. Ни одной дорогой. За наследником старый писец держал раскрытую книгу, а двое помощников переставляли маленькие каменные фигурки по карте города.

— Максим Лавров, — сказал Радей без труб.

Имя прозвучало негромко, почти вежливо.

Каменная полоска под правой ногой Максима потеплела.

Он не ответил. Даже не повернул голову. Смотрел на детский башмак.

— Значит, предупреждение ты получил, — продолжил Радей.

Лада резко посмотрела на наследника.

— Какое предупреждение?

— То, которое не позволило вашему спутнику проявить обычную учтивость.

— Откуда вы знаете его имя? — спросила она.

— Из стены.

Максим поднял глаза.

— Стена не знает моего языка.

— Зато знает последний страх. Он не нуждается в языке.

Радей коснулся сломанной пряжки. Под пальцами проступил слабый белый свет.

— Сегодня утром у северного зубца погиб человек. Он увидел тебя раньше, чем стрела вошла ему в шею. Последним его осознанным действием было прочесть имя на твоей одежде.

— Он не мог прочесть.

— Не мог. Но хотел понять. Стена сохранила желание вместе со знаком. Мои толкователи дали знаку звук.

Максим вспомнил нашивку на куртке. Кириллица. Толкователи не могли получить из неё правильное произношение фамилии, если только камень действительно не вытащил звук из его памяти. Или если Радей лгал о мёртвом наблюдателе.

— Повторите имя человека, который погиб, — сказал Максим.

Писец за спиной Радея поднял взгляд от книги.

— Зачем?

— Вы предлагаете мне поверить стене. Я хочу знать, кого она помнит.

— Ловко, — произнёс Радей. — Но ты не ответил на своё имя и думаешь, что теперь я стану отвечать на чужое.

— Значит, человека у северного зубца не было.

— Был. Керн, сын Ори. Сигнальщик третьей смены. Двадцать два года. Боялся высоты и всё равно поднимался на стену пять лет.

В голосе Радея не было запинки. Лада едва заметно кивнула: имя ей знакомо.

Максим посмотрел на старого писца.

— Запишите его первым.

— Где? — спросил писец.

— В списке тех, чьими последними действиями сегодня будут распоряжаться без их согласия.

Радей улыбнулся одними губами.

— Вот почему ты мне нужен. Ты за несколько часов понял то, чего мои советники не поняли за годы: горожане устали от слова «долг». Им нужно другое слово. «Спасение», например.

— Вам не нужен спасатель. Вам нужна моя одежда.

— И она тоже.

Радей повернулся к краю площадки. Внизу тысячи лиц казались светлыми точками в сумерках.

— Посмотри на лагерь. У них девятнадцать метательных машин. К рассвету будет двадцать. Западная стена выдержит три дня, если повезёт. В амбарах зерна на одиннадцать. В Нижнем городе воду уже выдают по две кружки. Ты сегодня спас четырёх людей. Прекрасная работа. Через неделю от них останутся четыре голодных тела, если мы не снимем осаду.

— И поэтому вы хотите сделать из них тела заранее?

— Я хочу повторить единственную ночь, когда Гранец победил превосходящего врага.

— С помощью людей, которые не выбирали свои роли.

— Их предки выбрали.

— Предки умерли.

— Благодаря этому мы живы.

Лада подошла к столу. Не касаясь вещей, наклонилась над засохшим венком.

— Чей он?

— Элины Рож, — ответил писец. — Несла воду на южную галерею.

— Элина погибла не на галерее. Её раздавили у дверей княжеского склада, когда она просила открыть запасы.

Писец прижал палец к строке.

— В летописи сказано иначе.

— Я водила её внучку к дверям склада. Камень показал иначе.

— Камень показывает движение, не причину, — сказал Радей. — Потому нам и нужны толкователи.

— Вам нужны люди, которые назовут просьбу о воде военным подвигом, — ответила Лада.

На площади внизу зазвонили три колокольчика. Помощник Радея приблизился и прошептал ему что-то. Наследник кивнул.

— Начинайте с малого короба.

— Не начинайте, — сказала Лада.

Радей поднял руку, и медные трубы ожили.

— Жители Гранца! Семьдесят четыре года назад наши деды и бабки встретили такую же тьму. Враг стоял у тех же стен. Камни были разбиты, зерно кончалось, союзники медлили. Тогда каждый житель сделал то, что умел. Пекарь нёс стрелы. Ребёнок подавал воду. Старики гасили огонь. Князь Варн открыл ворота в нужный миг, и город выжил.

Толпа ответила гулом. Некоторые подняли вещи над головами.

Максим заметил, как Лада смотрит на карту. Дед Радея открыл ворота — но в плане Дана маршруты из Нижнего города обрывались у запертых проходов. Значит, открыты были не те ворота или не для всех.

— Сегодня память вернулась к нам, — продолжал Радей. — Она не проклятие. Она оружие, оставленное теми, кто любил Гранец больше своей жизни. Мы повторим их путь и завершим их победу!

Толпа закричала. Не вся. По краям люди молчали, но середина площади качнулась к башне, как поле под ветром.

Помощники открыли малый короб. В нём лежали десятки ключей, связанных проволокой. Старый писец назвал имя:

— Тирна Эст, дочь Моры, хранительница западных кладовых.

Из толпы вышла женщина в сером фартуке. Она не поднимала руку и не отзывалась. Просто повернула голову, словно услышала звук за спиной, затем пошла к лестнице.

— Она сама пришла? — спросил Максим.

— Вещь узнала кровь, — ответил Радей.

— То есть вы не спрашивали.

Женщина остановилась возле первого пролёта. Дворовый протянул ей связку. Как только пальцы коснулись металла, она согнулась, будто ключи весили десятки килограммов. На площади стало тише.

— Тирна! — крикнул кто-то.

Она не обернулась. Выпрямилась и пошла к западному переулку. Люди расступались. Её правая рука перебирала ключи один за другим, хотя глаза были закрыты.

Дан с первой площадки закричал:

— Западные кладовые сгорели! Там провал!

Стража тут же зажала ему рот.

Максим шагнул к лестнице. Перед ним выросли два копыя.

— Уберите руки от мальчика.

— Стой, — сказал Радей.

Тёплая полоска под ногой вспыхнула. На миг Максим увидел не площадку, а узкий коридор в дыму. Чужая ладонь сжимала ключ. За дверью кричали люди. Нужно было открыть. Нет — закрыть. Приказ князя велел закрыть. Собственная мысль требовала открыть. Два движения рвали руку в разные стороны.

Он перенёс вес на левую ногу и сошёл с полосы. Видение исчезло.

— Ваш сигнальщик не читал имя, — сказал Максим. — Вы положили его последний след в ступени.

Радей не отрицал.

— Башня помнит каждого, кто защищал её.

— И вы пытались заставить меня ответить, пока я стоял на его движении.

— Я пытался понять, способен ли ты сопротивляться.

— Поняли?

— Да. Поэтому предложение остаётся.

Снизу донёсся грохот. Тирна дошла до западного переулка. За ней побежали двое мужчин, но серые панцири преградили им путь.

Максим оценил расстояние до лестницы, положение копий, высоту площадки. Прыгать вниз было глупо. Кричать женщине «остановись» — бесполезно. Она должна была сделать собственное действие, а не выполнить ещё один приказ.

— Лада! Ключи её или предка?

— Предка!

— Что принадлежит ей?

Лада перегнулась через край.

— Тирна! Что ты делала до площади?

Женщина шла, не отвечая.

Из толпы крикнула девочка:

— Она считала хлеб!

— Что ещё?

— Отрезала мне горелую корку!

— Дайте ей что-нибудь резать! — крикнул Максим. — Её собственное! Не старое!

Девочка поняла первой. Она выхватила из корзины каравай, пробила между взрослыми и побежала за Тирной. Стражник схватил её за плечо. Мирен ударил его по кисти лекарской сумкой, Олвен нырнул под копьё, а Дан вырвался и толкнул хлеб женщине под локоть.

Каравай упал. Тирна наступила на него, качнулась, но продолжила путь.

— Не отдавай! — крикнул Максим девочке. — Попроси её!

Девочка подняла хлеб, надломил горелую корку и протянула Тирне.

— Тётя Тирна, отрежь. Я сама не могу.

Женщина сделала ещё два шага. Рука с ключами дрожала. Потом левая ладонь опустилась к поясу, нашла маленький кухонный нож. Тирна вытащила его, срезала чёрный край хлеба и протянула девочке светлый ломоть.

Ключи выпали.

По мостовой прошла тонкая белая черта — не к западным кладовым, а от ног Тирны к хлебу в руках девочки. Толпа ахнула. Тирна открыла глаза и увидела, куда пришла.

— Лис? — позвала она.

Девочка обняла её за пояс.

Радей медленно опустил поднятую руку. Серые панцири не знали, что делать. Арестовать женщину за то, что она отрезала хлеб ребёнку, на глазах у площади было трудно даже наследнику.

— Вот ваше оружие, — сказал Максим. — Оно стреляет в своих.

Медные чаши у лестницы подхватили фразу и понесли вниз. Максим не знал, было ли это ошибкой помощника или кто-то намеренно оставил трубы открытыми.

На площади заговорили сразу сотни людей.

Радей приблизился к Максиму. Теперь между ними оставалось два шага.

— Ты показал им чудо, — тихо сказал он. — Завтра они потребуют ещё одно. Послезавтра — чтобы ты остановил камень, стрелы и голод. Сколько людей ты спасал одновременно в своём мире?

— Меньше, чем не спасал.

— Хороший ответ. Честный. А теперь честно ответь себе: если старый путь выведет нас к победе, сколько случайных смертей ты допустишь, мешая ему?

— Вы называете случайными смерти, которые сами назначаете.

— Я называю случайным всё, чего не могу рассчитать. Ты тоже. Только прячешь счёт за красивым правом выбора.

Максим вспомнил ночные поиски в ноябрьском лесу. Пятнадцать добровольцев мёрзли из-за одного пропавшего грибника. Кто-то спрашивал, почему тратят силы. Максим тогда ответил привычно: пока есть шанс, ищем. Но он знал и вторую половину правила — если погода убьёт группу, руководитель сворачивает поиск. Выбор никогда не отменял расчёт. Он лишь не позволял считать человека расходным материалом без его голоса.

— Спросите их, — сказал Максим.

— Кого?

— Тех, кому дадите роли. Объясните, куда они пойдут, что почувствуют и где могут умереть. Разрешите отказаться.

— И враг подождёт, пока мы проведём собрание?

— Вы уже собрали площадь.

На лице Радея впервые мелькнуло раздражение.

— Хорошо. Спросим.

Он повернулся к трубам.

— Кто готов повторить путь предков ради победы Гранца — поднимите свою вещь!

Над толпой поднялись сотни предметов. Миски блеснули в последних лучах, закачались ремни, ключи, кувшины, старые инструменты. Крик ударил в башню.

— Видишь? — спросил Радей.

— Вижу людей, которым вы не сказали цену.

— Они знают цену осады.

— Но не роли.

Максим подошёл к медной чаше.

— Спросите иначе. Кто согласен идти с закрытыми глазами туда, куда шёл умерший, почувствовать его рану и закончить его последнее действие, даже если оно убьёт соседа или собственного ребёнка?

Писец отступил. Помощник потянулся закрыть заслонку трубы, но Радей остановил его.

— Пусть скажет.

Максим повторил вопрос громче. Трубы разнесли каждое слово.

Поднятые руки начали опускаться. Сначала у краёв, потом ближе к середине. Некоторые продолжали держать вещи высоко — упрямо, со слезами, с настоящей готовностью рискнуть. Но их было уже не море. Несколько десятков среди тысяч.

— Вот теперь вы спросили, — сказал Максим.

Радей оглядел площадь.

— А если эти несколько десятков спасут остальных?

— Тогда сначала покажите им весь маршрут. И дайте право остановиться.

— Ты хочешь командовать моим городом.

— Я хочу, чтобы вы перестали командовать мёртвыми руками живых людей.

Внизу стражник всё ещё держал шест с вещами Края, Савы и Дерена. Молот качался на ремне.

Радей заметил взгляд Максима.

— Верните эти четыре вещи владельцам, — приказал он.

Стражник замер.

— Мой господин...

— Сейчас.

Шест опустили. Люди расступились, когда Мирен забрал молот, корзину, раму и яблоко. Яблоко он передал Олвену, и мальчик тут же откусил кусок, уничтожая знак старой кухни самым простым способом.

Площадь засмеялась. На этот раз громче.

Радей дождался тишины.

— Максим Лавров, я назначаю тебя смотрителем поисков до завтрашнего заката. Ты получишь право останавливать любое назначение, если докажешь, что оно ведёт к бессмысленной смерти. Ты получишь людей, мел, верёвки и доступ к записям башни. За это составишь карту безопасных ролей и найдёшь путь, который позволит повторить победу без жертв.

— А если такого пути нет?

— Тогда площадь увидит, что ты предлагал только страх.

— И что произойдёт завтра на закате?

— Начнём общий сбор ролей.

Лада встала между Максимом и столом.

— Он не давал имени и не принимал службу.

— Я назначаю должность, а не след, — сказал Радей. — Пусть откажется вслух.

Максим понял ловушку. Отказ, произнесённый на башне, тоже становился осознанным действием. Камень мог запомнить его. Согласие давало доступ к сведениям и одновременно делало частью затеи Радея. Молчание позволило бы наследнику представить его трусом перед площадью.

Он посмотрел на тёплые полосы в ступенях. Радей строил власть из готовых движений: здесь повернись, здесь ответь, здесь возьми должность. Любой выбор допускался, если он укладывался в предложенную пару.

— Я не буду вашим смотрителем, — сказал Максим. — Я создам городскую поисковую группу. Она не подчиняется сборщикам вещей и не назначает роли. Любой человек входит в неё добровольно и уходит добровольно. Мы отмечаем опасные места, находим пропавших и записываем, что на самом деле делают следы. Все записи открыты площади.

Радей прищурился.

— Ты меняешь слова.

— И действие. Это важно для камня.

Под ногами ничего не вспыхнуло. Зато Лада достала кусок оранжевой верёвки и положила его на стол рядом со старыми вещами.

— Я вступаю, — сказала она. — Добровольно. И выйду, когда решу сама.

Дан крикнул снизу:

— Я тоже!

— Тебя никто не спрашивал! — рявкнул стражник.

— Теперь спросили!

Мирен поднял лекарскую сумку.

— Я лечу тех, кого они находят. Но по лестницам бегать не буду.

Олвен прожевал яблоко и поднял огрызок.

— А я буду рассказывать, где люди с башнями оставляют ящики.

С площади ответили отдельные голоса. Не сотни сразу. Один у колодца, два возле хлебных рядов, женщина с медной миской у южного выхода. Они называли имена и умения: каменщик, водонос, печник, прачка, ученик канатчика. Дан торопливо записывал на обороте карты.

Максим не испытывал торжества. Он видел, как дворовые тоже запоминают лица.

— До завтрашнего заката, — сказал Радей. — Пусть будет твоя группа. Если найдёшь безопасный путь, я использую его. Если нет — не мешай тем, кто выбрал риск.

— Вы вернёте все вещи хозяевам.

— Нет.

— Тогда никакой сделки.

— Я и не предлагал сделку. Я дал тебе день.

С внешней стены ударил колокол. Один раз, второй, третий. Не площадь — тревога.

Над западной частью города вырос огненный след. Каменный снаряд перелетел зубцы и рухнул за крышами. Через несколько мгновений донёсся удар. Площадь вздрогнула, люди пригнулись. Следом прилетел второй камень. Он разбил край соседней башни, осыпав площадь щебнем.

Крик сменил речь. Люди рванули к выходам. Серые панцири попытались удержать проходы и только сузили их. У западного переулка кто-то упал.

— Откройте все выходы! — крикнул Максим.

Радей уже отдавал приказ страже, но трубы усиливали голос с задержкой, и слова тонули в грохоте. Максим схватил медную чашу обеими руками.

— Не бегите к середине! Семь выходов! Ближние к стенам идут вдоль домов! Поднимите детей над поясом, не за руки!

Трубы понесли команды. Лада сбежала первой, перепрыгивая через две ступени. Максим двинулся следом, но Радей удержал его за плечо.

— Ты не знаешь города.

— Зато знаю давку.

Он сбросил руку и спустился. На первой площадке Мирен прижал Олвена к стене, Дан лежал на карте, защищая её от ног. Один стражник пытался поднять упавшую женщину за запястья, разворачивая поперёк потока.

— За плечи! — Максим показал, как подхватить её сзади. — И в нишу, не вверх!

Третий снаряд ударил далеко, в Нижнем городе. Там поднялась бурая пыль.

На площади Тирна всё ещё держала девочку. Лада добралась до них и повела к водосбросу. Решётка оказалась закрыта. Дан, спустившись, указал на связку старых ключей, брошенную возле лестницы.

— Там должен быть ключ!

Тирна увидела связку и отшатнулась.

— Не заставляйте её, — сказал Максим.

— За решёткой проход, — ответила Лада. — Здесь людей затопчут.

Максим опустился рядом с Тирной.

— Вы знаете эти ключи?

— Не хочу.

— Хорошо. Не берите. Скажите только: среди них есть от водосброса?

Она посмотрела. Её губы шевельнулись без звука. В толпе закричали — у северного выхода сцепились две телеги.

— Есть, — выдохнула Тирна. — Длинный, с двумя зубьями.

— Покажете пальцем?

Она показала. Дан выдернул ключ, Лада открыла решётку. За ней оказался узкий спуск, пахнувший сыростью. Люди пошли вниз по двое. Никто не назначал Тирне старую роль: она не несла ключ, не открывала дверь, не шла к кладовым. Она дала новый совет и осталась на месте.

Максим поймал взгляд Радея. Наследник стоял у основания башни и видел всё.

Камни перестали падать так же внезапно, как начали. Четыре удара — проба дальности, а не штурм. Когда пыль осела, на площади остались разбитые корзины, потерянная обувь и трое раненых. Погибших не было.

Мирен осмотрел женщину, которую вытащили из потока, и сердито объявил, что ей нужен воздух, а не десять советчиков. Олвен собирал рассыпанные бинты. Дан обводил на карте выход через водосброс.

— Первый проверенный путь, — сказал он.

— Пока только выход с площади, — поправил Максим.

— С него и начнём.

Радей подошёл без свиты. Пыль посела на его волосах и плечах.

— Завтра на закате, — напомнил он.

— Людей у выходов уберите уже сегодня.

— Они держали порядок.

— Они держали копыа поперёк дороги.

Радей посмотрел на стражу, потом на открытую решётку.

— Уберу половину. Остальные будут направлять поток по твоей разметке.

— По нашей.

— Слова, Лавров.

— Действия, Варн.

Наследник усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Ты быстро учишься.

— Вы тоже.

Радей ушёл к башне. Дворовые снова закрывали короба с вещами. Вернуть их он не собирался.

Лада дождалась, пока наследник отойдёт, и достала свой обрезок верёвки со стола. На оранжевой оплётке проступила тонкая белая линия, похожая на свежую царапину.

— Камень запомнил вступление? — спросил Дан.

— Не знаю, — сказала она. — Но теперь вещь дважды выбрана мной.

Максим проверил рацию. Экран был мёртв, батарейный отсек холоден.

— Кто говорил с тобой? — спросила Лада.

— Не знаю.

— Он спас тебя от назначения.

— Или привёл именно к тому ответу, который был нужен.

Она не стала спорить. После башни простые объяснения стоили мало.

Дан разложил карту прямо на каменной тумбе. Новые имена заполнили поля вокруг старых маршрутов.

— Куда сначала?

Максим посмотрел на площадь. Семь выходов. Четыре места падения камней. Длинные короба со старыми вещами. Западные кладовые, куда чуть не ушла Тирна. Нижний город, над которым ещё стояла пыль. И целый день, подаренный Радеем не из милости, а потому, что наследнику тоже нужна была карта безопасных ролей.

— Разделим город на квадраты, — сказал Максим. — Отметим каждый выход, каждый предмет и каждого пропавшего. Проверенное — белым. Опасное — красным. Чужой след — чёрным.

— У нас нет столько мела, — заметил Мирен.

К ним подошла женщина с медной миской, одна из тех, кто отозвался с площади.

— У печников есть, — сказала она. — Я Роя. Знаю короткую дорогу.

За ней стояли ещё девять человек. Не войско и не толпа. Каменщик с молотком, водонос с пустым ведром, седая прачка, двое подростков-канатчиков, хромой печник, молчаливый мужчина с фонарём, девушка в кожаном переднике и старик, державший клетку без птицы.

Каждый пришёл сам.

Максим пересчитал их, затем показал открытую решётку водосброса.

— Первое правило: любой может остановить выход. Без объяснений и без наказания.

— Даже ты? — спросила Роя.

— Особенно я.

На башне старое знамя хлопнуло по ветру. В ответ где-то у лекарского дома тонко свистнул оставленный Вару свисток: один длинный сигнал.

Максим повернулся к Ладе.

— Это наши.

Она уже бежала.

Группа двинулась за ней — не по маршруту погибших, не по приказу наследника, а к живым, которые звали на помощь.

Глава 5. Квадраты поиска

Свисток прозвучал второй раз, прежде чем они выбежали с площади.

Один длинный сигнал. Пауза. Ещё один.

Не условный знак бедствия, о котором Максим договорился с Варом, а его настойчивое повторение. Старик либо боялся, что первый не услышали, либо беда продолжалась.

Лада вела коротким путём. За ней бежали Дан и Роя, остальные растянулись по переулку. Максим не стал кричать, чтобы держались вместе. В узком проходе плотная группа только мешала бы встречным. Он оглядывался на поворотах, пересчитывая людей.

Десять новых добровольцев. Мирен. Олвен. Дан. Лада. Он сам.

Пятнадцать человек, из которых только четверо знали, куда бегут.

— Не толпимся у двери! — сказал Максим. — Роя, оставь у каждого поворота по человеку. Пусть показывают дорогу отставшим и не дают стражникам закрыть проход.

Женщина с медной миской не спросила, имеет ли он право командовать. Она ткнула пальцем в хромого печника, затем в одного из канатчиков. Те остановились. На следующем углу осталась прачка. Группа стала меньше, а путь за ней — понятнее.

У дома Мирена стояли люди с серебряными башнями.

Их было четверо. Двое держали Вара за руки, третий вытряхивал на мостовую содержимое лекарственных ящиков, четвёртый наматывал на ладонь тонкий шнур от свистка. Край лежал у стены, прижав к груди пустую раму. Сава сидела на ступени и обеими руками удерживала корзину. Дерен стоял перед дверью с поднятым молотом, но бил не дворовых — размеренно опуская железо на один и тот же камень.

Свисток был во рту Вара. Старик дул, пока один из дворовых не ударил его под рёбра.

Лада не замедлила шага.

— Отпустили его.

— По распоряжению наследника вещи собираются до полуночи, — ответил человек со шнуром. — Не мешай службе, проводница.

— Наследник только что вернул эти вещи хозяевам, — сказал Максим.

Дворовый узнал его и спрятал удивление за усмешкой.

— Вернул четыре. Здесь больше.

На мостовой лежали пила Вара, кожаный ремень, три склянки Мирена, детская деревянная лопатка, связка сушёных трав и свисток. Среди них Максим увидел знакомый ящик погибшего лекаря. Свежая серебряная башня на крышке была перечёркнута мелом.

— Что вы ищете?

— Вещи победной ночи.

— В лекарском доме?

— Больные приносят разное.

— Тогда составляйте список и спрашивайте владельцев.

— Мы не подчиняемся чужаку.

— Хорошо. Подчинитесь лекарю. Мирен, вы разрешали обыск?

Мирен протиснулся вперёд, увидел разбитую склянку и побелел.

— Вон из моего дома.

Дворовый со свистком дёрнул плечом.

— Не тебе решать.

— Тогда решит заражённая кровь на тех иглах, которые твой товарищ сейчас перебирает голыми руками.

Человек возле ящика отёрнул ладонь так быстро, что уронил крышку. Мирен прошёл между дворовыми, поднял склянку и поднёс к свету.

— У меня нет заражённых игл, — сообщил он. — Но теперь вы понимаете, почему лекарь решает, кто роется в лекарском доме.

Роя засмеялась. Остальные добровольцы подошли как раз вовремя, чтобы увидеть растерянность людей с башнями. Их было уже одиннадцать против четырёх, но Максим не хотел превращать улицу в драку.

— Вы получили приказ собрать вещи, — сказал он старшему. — Выполняйте точно. Не ломайте чужое, не бейте людей и не уносите то, что наследник вернул. Если сомневаетесь — идём к башне вместе и спрашиваем Радея при свидетелях.

Упоминание свидетелей подействовало лучше угрозы. Старший бросил свисток на землю.

— Чужаку дали время до заката. Не власть.

— А вам не дали права бить старика.

— Он напал первым.

Вар вытер кровь с губы.

— Я свистнул.

— Прямо мне в ухо.

— Целился хорошо.

Дворовые собрали пустые мешки и ушли. Последний задержался возле Дерена, который продолжал бить молотом в камень.

— Этот всё равно наш, — сказал он. — Слышите? Отбивает башенный знак.

Максим услышал ритм: два коротких удара, один длинный. Пауза. Два коротких, один длинный. Такой же сигнал отвечал жестянщику в квартале красильщиков.

— Дерен, — позвал он.

Молот поднялся и упал.

— Он начал после первого обстрела, — сказал Вар. — Как колокол ударил, так и взялся.

— Его молот был у стражи на площади.

— Этот другой, — ответил Мирен. — Мой. Для костей и шин.

Одинаковое действие не требовало той же вещи. Достаточно было похожего орудия и сигнала. Значит, возвращение предметов не делало людей безопасными.

Максим встал сбоку от Дерена, вне размаха.

— Не держите его. Уберите всё, что может разбиться. Дан, запиши время и сигнал. Лада, спроси Дерена, что он делал перед ударами.

— Он не ответит.

— Спроси всё равно. Иногда человек слышит раньше, чем может остановиться.

Лада присела у стены.

— Дерен, ты был у Мирена. Край спал. Сава ругалась на кашу. Что делал ты?

Молот снова ударил.

— Ты чинил кружку? Гнул скобу? Смотрел на улицу?

Пальцы Дерена побелели. На третьем вопросе его левое веко дрогнуло.

— Он слышит, — сказал Олвен.

Максим кивнул мальчику.

— Ты видел, что случилось?

— Дерен дал мне жестянку. Хотел сделать накладку на руку, чтобы я мог стигать пальцы. Потом был колокол.

— Где жестянка?

Олвен показал на ступень. Там лежала узкая полоса белого металла с двумя просверленными отверстиями.

Максим поднял её, но не стал вкладывать Дерену в руку.

— Олвен, попроси закончить то, что он начал для тебя.

Мальчик замялся.

— А если он ударит?

— Встань за мной. Решай сам.

Олвен спрятался за плечом Максима и протянул перевязанную руку.

— Дерен, ты обещал накладку. Мне нужна не башня. Мне пальцы нужны.

Молот остановился наверху. Всё тело жестянщика задрожало. Он смотрел на выбоину в камне, словно там лежал ответный сигнальный щит. Потом повернул голову к металлической полосе.

— Края острые, — выдавил он.

— Спилишь?

— Спилю.

Молот опустился не на камень, а рядом. Дерен разжал пальцы.

Дан поставил на карте новую точку.

— Какой цвет?

— Пока чёрный, — сказал Максим. — Чужой след.

— А когда станет красным?

— Когда узнаем, куда ведёт и чем грозит.

— Он уже разбил камень.

— Тогда рядом красная черта. Знак может быть двойным.

Роя заглянула через плечо юноши.

— На стенах никто не разберёт ваши каракули.

— Предложи лучше.

Она взяла кусок угля. Нарисовала круг, косой крест и след босой ступни.

— Круг — проверено. Крест — не ходи. Ступня — человек идёт не своим шагом.

— Ступню будут рисовать долго, — заметил Дан.

— Тогда три короткие черты, как пальцы. Даже ребёнок сделает.

Максим посмотрел на знаки. В его отряде использовали другие обозначения, но переносить привычки без смысла было так же опасно, как тащить человека по старому следу.

— Хорошо. Белый круг — проверено. Красный крест — опасно. Три чёрные черты — чужой след. Рядом ставим стрелку направления и время.

— Не все знают счёт башни, — сказала Лада.

— Тогда время по колоколам. До вечернего, после вечернего, первый ночной.

Дан быстро нарисовал легенду в углу карты. Роя повторила её на стене дома Мирена. Печник принёс из мастерской мешочек белого мела и два красных бруска. Уголь нашёлся у каждого очага.

Максим разделил людей на пары. Никто не должен был идти один. Лада с Даном отмечали северную часть квартала. Роя и печник — проходы к площади. Канатчики брали крыши и лестницы, но только после проверки креплений. Мирен оставался в доме с Варом, Краем, Савой и Дереном. Олвен вызвался быть посыльным.

— Нет, — сказал Максим.

Мальчик вскинул подбородок.

— Я первый увидел ящики.

— Именно поэтому дворовые тебя запомнили.

— Они и так знают имя.

— Знать имя и поймать в пустом переулке — разные вещи.

— Ты сам ходишь.

— Не один.

— Тогда дайте мне пару.

Максим хотел отказать снова, но понял, что спорит уже не о безопасности, а о послушании. Олвен имел право участвовать, если риск был понятен и ограничен.

— Будешь здесь, у карты. Принимаешь сообщения и никого не разыскиваешь. Если дом придётся оставить, уходишь с Миреном через задний двор. Согласен?

— Пока согласен.

— Правильный ответ.

Они начали с четырёх улиц вокруг лекарского дома. Каждая пара проходила свой участок дважды: сначала смотрела на людей и вещи, потом на камень. Белый мел быстро закончился. Пришлось крошить его в воду и мазать круги тряпкой. Красные кресты ставили редко — у проваленного подвала, возле стены с повторяющимся движением лучника, на лестнице башни, где ступени хранили бег погибшего гонца.

Чёрных троек становилось всё больше.

У колодца женщина без конца поднимала пустое ведро. На хлебной улице подросток нёс мешок от одной двери к другой и возвращался за ним, едва хозяйка ставила его на землю. Возле кузницы старик точил давно острый нож, не замечая искр на рукаве. Каждого удавалось остановить не запретом, а незавершённым собственным делом. Женщине дали наполнить кружку для внучки. Подростка попросили отнести муку туда, куда он сам собирался утром. Старик вспомнил, что обещал выстрогать ручку соседскому ребёнку.

Но карта не становилась проще. Чужие следы накладывались друг на друга. Иногда человек уходил с одного маршрута и попадал на второй. Иногда камень не реагировал на действие, которое казалось добровольным.

— Почему с Тирной сработал хлеб, а здесь нет? — спросил Дан после третьей попытки вывести водоноса из круга.

— Потому что мы угадываем за него, — ответил Максим. — Мы предлагаем правильный поступок как лекарство. Получается ещё один приказ.

— Тогда что делать?

— Давать выбор из того, что он сам знает.

Они спросили водоноса, кому он нёс воду до приступа. Тот долго не мог ответить, потом прошептал: «Матери». Лада предложила три дороги к её дому. Он выбрал самую длинную, потому что там была тень. Белый след под ногами погас.

Дан исправил запись: не «отправлен к матери», а «выбрал теньевую улицу».

К первому ночному колоколу карта покрылась кругами, крестами и тройками. На стенах квартала повторялись те же знаки. Люди останавливались, расспрашивали добровольцев, начинали сами отмечать опасные места.

Максим должен был радоваться. Вместо этого его тревожило, как быстро знак превращался в приказ.

У красного креста возле проваленного подвала уже стояла женщина и не пропускала соседей, хотя обход вёл под обстреливаемой стеной. Белый круг на дворе пекаря привлёк три семьи с детьми, будто внутри была полная безопасность, а не просто проверенный час назад проход.

— Белый не значит безопасный навсегда, — объяснял Максим. — Он значит: здесь про- верили в указанное время.

— Но вы же написали «проверено», — возразил пекарь.

— Камень меняется. Люди приносят новые вещи. Приходит новый сигнал.

— Тогда ваши круги ничего не стоят.

— Стоят один честный час. Это больше, чем обещание вечной безопасности.

Пекарь остался недоволен. Максим велел Дану добавить к кругам короткую черту каж- дого следующего колокола. Старые круги без свежей черты считались просроченными.

У дома Мирена их ждал первый отчёт. Олвен сидел за столом, серьёзный, как диспетчер на большой операции. Перед ним лежали дощечки с сообщениями. Вар держал у груди возвращённый свисток, но больше не дул.

— Пропавших девять, найденных семь, — сказал Олвен. — Двое ушли за старыми воротами. Роя просила ещё красный мел. Канатчики нашли человека на крыше. А люди наследника взяли копию карты.

Максим замер.

— Как взяли?

Дан схватился за пояс. Его маленькая копия была на месте.

— Не эту, — сказал Олвен. — Ту, что Роя рисовала на двери для новых людей. Пришли двое, срисовали и ушли. Она решила, что можно. Ты сказал, записи открытые.

— Всё правильно, — ответил Максим, хотя внутри уже складывалось другое.

Открытая карта позволяла людям обходить опасность. Она же показывала Радеём, где именно работали чужие следы, какие вещи их запускали и чем действие можно заменить. Это была почти готовая инструкция по назначению.

Лада поняла одновременно с ним.

— Двор собирал вещи вслепую, — сказала она. — Теперь они знают, куда нести каждую.

— Закрывать карту? — спросил Дан.

— Поздно. И нельзя. Тогда жители снова будут зависеть от тех, кто решает, кому дать сведения.

— Значит, мы помогаем Радеём.

— Если записываем только следы — да.

Максим посмотрел на карту. Она описывала опасность так, будто город был неподвижным лесом: вот овраг, вот болото, вот сломанный мост. Но опасность создавали люди. Дворовые переносили вещи. Стража закрывала проходы. Наследник выбирал время сигналов.

— Добавляем четвёртый знак, — решил он. — Кто изменил место после проверки.

— Какой?

Роя, только что вернувшаяся с площади, поставила на карте серебряную башню.

— Так все поймут.

— Нет, — сказал Максим. — Не метим людей врагами. Отмечаем действие. Перенесённая вещь, закрытый проход, новый приказ. Рисуем стрелку с поперечной чертой.

— Слишком сложно.

— Тогда обычная стрелка и имя свидетеля рядом. Карта должна говорить не только «опасно», но и «кто это изменил».

— Они сорвут её со стены, — сказал Олвен.

— Поэтому копий будет много.

Они разделили большую карту на квадраты. Дан присвоил каждому знак: колодец, печь, мост, башня, ножницы, ведро. Не буквы и числа — понятные всем рисунки. Каждая пара получила свой квадрат и дощечку. В конце обхода сведения переносили сразу на три карты: у Мирена, на площади возле колодца и в пекарне. Ещё одну Лада предложила спрятать.

— Открытые сведения и запасная копия не противоречат друг другу, — сказала она. — Одна нужна людям. Другая — на случай, если первую сожгут.

Максим согласился.

Второй ночной колокол застал их у старого водовода. По донесению канатчиков здесь видели двоих пропавших. На камнях стояли свежие чёрные тройки, а рядом — стрелка в сторону Нижнего города. Кто-то перечеркнул белый круг и нарисовал серебряную башню.

— Не наш знак, — сказал Дан.

— Но понятный, — ответила Лада.

За водоводом лежала куча старой одежды. Не реликвии — обычные рубахи и плащи, собранные по домам. К каждому предмету была привязана бирка с именем. Дворовые больше не искали вещь погибшего. Они создавали связь с живым, используя его собственную одежду.

Максим присел возле кучи, не касаясь ткани.

— Кто увидел это первым?

Из тени вышел канатчик по имени Жук. Ему было лет восемнадцать, лицо ещё детское, ладони в старых ожогах от верёвки.

— Мы с братом. Он пошёл за человеком на крышу, а я остался. Потом пришли серые, бросили одежду и велели никого не подпускать.

— Где серые?

— Ушли к водосбросу.

— А брат?

Жук показал вверх.

По скату крыши медленно шёл второй канатчик. В руках он держал бухту старой верёвки, а за ним тянулся белый светящийся след. У края крыши стоял человек в длинной рубахе. Он был бос и смотрел вниз.

— Двое назначенных, — сказал Дан.

— Нет, — ответил Максим. — Один назначенный и один спасатель, который пошёл без пары.

Жук рванулся к лестнице.

Максим поймал его за плечо.

— Если поднимешься так же, будет трое.

— Это мой брат.

— Поэтому ты останешься внизу и будешь говорить с ним. Лада, знаешь выход на крышу с другой стороны?

— Через красильню. Две лестницы.

— Дан со мной. Роя держит улицу. Никто не трогает одежду.

Они бежали через пустую мастерскую. Первая лестница выдержала, вторая качалась. Максим проверил переладины, закрепил карабин за балку и пропустил Ладу. Колено ныло всё сильнее, но не подламывалось.

На крыше ветер тащил дым вдоль черепицы. Канатчик приближался к босому человеку. Старый след заставлял его разматывать верёвку и вязать петлю. Вероятно, погибший спасатель пытался снять кого-то с края. Но Максим уже знал: последнее действие не гарантировало спасения. Петля могла стать страховкой, могла — удавкой.

— Тон! — кричал снизу Жук. — Я здесь!

Канатчик не отвечал.

Босой мужчина поднял ногу над краем.

Максим лёг на черепицу и продвинулся к нему, распределяя вес. Лада удерживала его за пояс. Дан остался у лестницы и отмечал путь углём.

— Как вас зовут? — спросил Максим.

— Лет, — прошептал мужчина.

— Вы слышите меня. Хорошо. Почему вышли на крышу?

— Рубаху искал.

— Что хотели сделать до этого?

— Закрыть ставни матери.

— Где её дом?

Лет поднял руку, указывая через улицу. Движение вывело его из равновесия. Максим успел схватить запястье. Под ладонью кожа была холодной.

Канатчик Тон набросил петлю. Она легла Максиму на плечо и затянулась поперёк груди. Старое действие пыталось тянуть Лета назад, но вместе с ним утянуло бы и Максима.

— Тон! — снова крикнул Жук. — Ты обещал мне новый узел показать! Не этот, другой! Тот, который сам придумал!

Пальцы канатчика дрогнули.

— Покажи сейчас! — кричал брат. — На свободном конце!

Тон посмотрел на остаток верёвки. Его руки сами сложили новую петлю — маленькую, с двойным оборотом. Белый свет под ногами мигнул.

— Держу, — сказал Тон своим голосом.

— Тогда тяни не по следу, а по моей команде, — ответил Максим. — Лада, на три. Раз. Два. Три.

Они вытащили Лета с края. Тон отпустил старую петлю и пополз к брату. На черепице остались две линии: белая уходила к пустоте, тёмная поворачивала к лестнице.

Когда все спустились, Жук ударил брата кулаком в плечо, затем обнял так крепко, что тот закашлялся.

— Я велел ходить парами, — сказал Максим.

Тон опустил глаза.

— Лет уже был на крыше.

— Поэтому ты решил потерять время на помощь?

— Да.

— Правильно решил. Неправильно — никому не сказал. Следующий раз кричишь, оставляешь отметку и ждёшь пару столько, сколько человек может продержаться. Если счёт идёт на мгновения — идёшь, но партнёр знает куда.

— А если партнёра нет?

— Тогда твоя первая работа — создать партнёра из любого прохожего. Пусть хотя бы смотрит и зовёт помощь.

Роя уже осматривала кучу одежды.

— На бирках имена живых. Здесь половина нашей улицы.

— Не трогать руками, — сказал Максим. — Обнесём верёвкой и запишем каждую бирку с расстояния.

— А потом?

— Позовём владельцев. Пусть сами решат: забрать, уничтожить или оставить как доказательство.

Лада посмотрела в сторону водосброса, куда ушли серые панцири.

— Радей не дал нам день. Он дал своим людям ночь, чтобы проверить нашу карту.

Максим вытер ладонью пыль со лба.

— Значит, к утру карта должна показывать не только город. Она должна показывать его работу.

Дан поставил в квадрате водовода красный крест, три чёрные черты и стрелку с поперечной засечкой. Рядом написал имена Жука, Тона и Лета.

— Теперь любой узнает, кто это видел.

— И двор узнает, кого запугивать, — сказал Жук.

Все замолчали.

Открытость снова оборачивалась ценой.

Максим посмотрел на юношу.

— Хочешь, уберём имя?

Жук сжал обожжённые ладони.

— Нет. Только напишите обоих братьев. Чтобы за одним не пришли тихо.

Тон встал рядом с ним.

— Троих, — сказал Лет. — Я тоже видел.

Дан вписал третье имя.

Над Гранцем ударил третий ночной колокол. На дальних улицах люди повторяли новые знаки на стенах. Белые круги, красные кресты, чёрные тройки и перечёркнутые стрелки расходились быстрее приказов башни.

А потом со стороны площади донёсся другой звук: тяжёлый медный голос Радея.

— Жители Гранца! До рассвета все отмеченные опасности будут проверены стражей. Не доверяйте самовольным знакам без княжеской печати.

Роя выругалась.

— Он сейчас объявит наши круги поддельными.

— Пусть, — сказал Максим. — Мы не просим верить знаку. Мы пишем, кто и когда проверил.

— Не все умеют читать имена.

— Тогда свидетели будут стоять у карт по сменам и рассказывать вслух.

— Людей не хватит.

— Сегодня не хватит. Завтра научим следующие пары.

Лада подняла с земли красный мел и провела крест на ближайшей стене. Под ним нарисовала перечёркнутую стрелку к куче одежды. Затем вложила мел Жуку.

— Карта — это не рисунок, — сказала она. — Это человек, который готов повторить, что видел.

Жук добавил три имени простыми значками, понятными соседям: две петли канатчиков и ставню Лета.

Максим посмотрел на метку и понял, чего не хватало распоряжениям Радея. Наследник хотел, чтобы память заменила свидетелей. Камень не спорил, не менял рассказ и не требовал согласия. Но именно поэтому из последнего движения можно было сделать любую удобную историю.

Их карта должна была оставаться живой: с ошибками, поправками, именами и правом сказать «я видел иначе».

— Возвращаемся к Мирену, — сказал Максим. — До рассвета переносим все квадраты в три копии. Потом проверяем заново с людьми из каждого двора.

— А спать? — спросил Дан.

— По сменам. Ты — первым.

— Я не усну.

— Ляжешь и закроешь глаза. Сон тоже работа, если завтра нужен рисовальщик с прямыми линиями.

Они пошли назад. Тон и Жук несли между собой бухту, каждый держал свой конец. Лет шагал рядом и время от времени смотрел на крыши, но больше не искал свою рубаху.

У первого перекрёстка белый круг оказался перечёркнут. Поверх него серебряной краской была нарисована башня.

Под башней лежала детская деревянная лопатка из дома Мирена.

Олвен должен был оставаться у карты.

Максим поднял руку, останавливая группу.

— Ничего не трогать.

Из тёмного переулочка донёсся скребущий звук. Будто кто-то маленькой лопаткой старательно копал сухой камень.

Глава 6. Дом без жильцов

Скребущий звук повторился трижды и смолк.

Максим показал ладонью: Лада — к левой стене, Тон и Жук — назад, перекрыть выход к водоводу. Дан остался за спиной Рои. Лет хотел пойти с ними, но Максим остановил его взглядом. Человек, которого только что сняли с крыши, держался на ногах из упрямства. Сейчас от него было больше пользы возле карты и свидетелей.

Лопатка лежала посреди перекрёстка слишком ровно. Черенок был направлен в переулок, словно стрелка. На дереве темнела свежая зарубка серебряной башни.

— Олвен сам её носил? — шёпотом спросил Дан.

— Видел у него во дворе, — ответила Роя. — Он ею угли из печи выгребал. Играл, будто клад ищет.

— Значит, вещь его знает, — сказал Дан.

Максим покачал головой.

— Мы знаем только, что она была рядом с ним. Не додумываем остальное.

Он присел, не касаясь лопатки. Пыль вокруг была истоптана. Следы шли от площади и обратно, несколько человек специально прошлись по одному месту. Но у стены сохранился узкий отпечаток босой детской ступни. Рядом — смазанная полоса, будто волокли мешок или плащ.

Лада коснулась камня костяшками пальцев.

— Здесь старый ход к двору гончаров. Он кончается тупиком.

— Другой выход есть?

— Из погреба, если решётку не заложили после первого обстрела.

Максим вытащил из кармана кусок белого мела и поставил на стене не круг, а короткую черту.

— Что это? — спросил Дан.

— Мы здесь. Только это. Пока ничего не проверено.

Они вошли в переулок. Под подошвами хрустела глиняная крошка. Окна на первом этаже были заколочены, верхние зияли чёрными провалами. За одним из них кто-то тяжело вздохнул. Максим поднял руку, но Лада указала на разорванный мех у рамы: ветер втягивал его внутрь и отпускал.

Скребущий звук раздался снова, теперь справа. Между двумя домами стоял низкий сарай. Дверь была приоткрыта. За ней по каменному полу ходила лопатка: виден был только светлый черенок, который поднимался и опускался.

— Олвен, — позвал Максим негромко. — Это Максим. Я войду, если ты не ответишь.

Лопатка остановилась.

Из темноты донеслось сиплое:

— Не входи.

— Почему?

— Тут он.

— Кто?

— Мальчик.

Роя рванулась к двери. Максим успел перегородить ей путь.

— Он один там был, — прошептала она. — Какой ещё мальчик?

— Сейчас увидим. Олвен, можешь положить лопатку?

— Нет. Он не докопал.

— Кто не докопал?

— Я.

Голос звучал детским, но слова выходили медленно, как у человека, который слушал кого-то ещё. Максим достал оранжевую верёвку, закрепил один конец на каменном столбе и передал другой Ладе.

— Не тяни, пока не скажу. Роя, говори с ним. Только о том, что было сегодня до исчезновения.

Он толкнул дверь носком. Внутри пахло золой и мокрой землёй, хотя дождя в городе не было давно. Олвен стоял на коленях возле стены и скрёб лопаткой шов между плитами. Повязка на руке сползла, пальцы кровили. Перед ним уже выросла кучка каменной пыли.

На противоположной стене белел детский силуэт. Не призрак и не человек — светлый след повторял то же движение с небольшим опозданием. Поднять лопатку. Ударить в шов. Отгрести пыль ладонью. Прижаться ухом к полу.

— Я не вижу второго мальчика, — сказал Максим. — Вижу свет на стене. Ты видишь иначе?

Олвен качнул головой.

— Он под плитой. Мать велела ему копать к соседям. Дом падал. Он не успел.

— Откуда ты знаешь?

— Моя рука знает.

За дверью Роя заговорила, нарочно сердито:

— Твоя рука утром кашу пролила. И хлеб у Савы стащила.

Уголок рта Олвена дёрнулся, но лопатка снова ударила.

— Не стащила. Сава дала.

— Тогда вернись и скажи ей, а то она меня в воровстве обвинит.

— Потом.

Максим осмотрел пол. Старый шов уходил под стену. Если мальчик продолжит, плиту он не пробьёт, но изрежет ладони до кости. Рядом лежала тряпичная петля с биркой. На ней углём было выведено имя Олвена.

Двор использовал его лопатку и карту. Они знали, что мальчик останется у лекарского дома, знали ближайший отмеченный чужой след и положили вещь так, чтобы он её увидел. Возможно, один из людей Радея назвал вслух погибшего ребёнка. Возможно, хватило бирки и старого движения.

— Кто принёс лопатку? — спросил Максим.

— Мужчина с печатью. Сказал, ты велел проверить новый знак.

Ложь была простой и потому удобной. Олвен хотел быть полезным. Ему дали поручение, похожее на настоящее.

— Я не посылаю никого одного, — сказал Максим.

— Я знаю.

— Но пошёл.

— Он сказал, ты занят на крыше. Если ждать пару, мальчик задохнётся.

Максим почувствовал знакомую злость — холодную, направленную прежде всего на себя. Дворовые не просто срисовали карту. Они срисовали его слова о счёте на мгновения и помощи без ожидания. Превратили исключение в приманку.

— Ты хотел спасти его, — сказал Максим. — Это твоё решение или тебе велели?

— Моё.

— Хорошо. А сейчас что хочешь сделать ты?

— Докопать.

— Это ответ руки. Что хочешь после того, как услышал меня?

Олвен прижал ухо к плите. Белый мальчик на стене сделал то же самое.

— Там кто-то стучит.

Все замолчали.

Из-под пола пришёл глухой удар. Потом ещё два.

Роя побледнела.

— Значит, там живой.

Максим лёг щекой на камень. Удары повторились: один, два, пауза, один. Слишком ровно. Так могла стучать расшатанная балка. Так мог отвечать человек.

— Копать этой лопаткой нельзя, — сказал он. — Плита держит стену. Сдвинем — завалит весь сарай. Но проверить нужно. Олвен, ты знаешь другой путь к тому, кто внизу?

Мальчик зажмурился.

— Через дом.

— Какой?

Олвен поднял лопатку и указал не на пол, а на заднюю стену. Белый след повторил движение, но его рука указала ниже. Разница была небольшой и важной: живой выбрал направление сам.

— Через дом гончара, — сказала Лада. — Погребы соединялись до обрушения. Потом один дом запечатали. Там погибла семья.

— Выведем Олвена наружу и проверим вход.

— Нет, — сказал мальчик.

Лопатка опять потянулась к шву.

Максим не стал вырывать её.

— У тебя две работы. Первая — продолжать копать там, где стена упадёт. Вторая — показать нам безопасный путь к возможному живому. Обе сразу не сделать. Выбирай.

Олвен смотрел на кровавые пальцы. Потом повернул лопатку и воткнул черенок в кучку пыли.

— Покажу.

Белый мальчик на стене ещё раз ударил по шву и рассыпался светлой крупой.

Роя подхватила Олвена под мышки, но он отстранился.

— Сам выйду.

Он поднялся, пошатнулся и сам переступил порог. Лада перевязала ему руку полосой от своего рукава. Дан хотел поставить белый круг на двери сарая, однако Максим остановил его.

— Красный крест. Пол не трогать. Рядом напиши: слышны удары, источник не проверен.

— А если люди прочитают только крест и не помогут тому, кто внизу?

— Поэтому оставим двоих свидетелей. Тон, Жук, сможете держать вход и повторять объяснение?

Братья согласились. Максим велел им никого не пускать внутрь и самим не проверять плиту. Лет ушёл с Роей к дому Мирена предупредить остальных, что Олвен найден. Дан добавил на стене изображение уха и три точки — здесь нужно не входить, а слушать.

Дом гончара стоял через два двора. В нём не было ни света, ни дыма. Дверь запирала новая железная цепь с княжеской печатью. На косяке сохранился старый белый круг, а поверх него кто-то недавно провёл перечёркнутую стрелку в обратную сторону — будто опасность уже унесли.

— Это наша отметка? — спросил Максим.

Дан провёл пальцем возле краски, не касаясь её.

— Стрелку я рисовал у водовода. Здесь другой мел. С серебром.

— Они не только подделывают знак, — сказала Лада. — Они показывают, что дом снова чист.

Олвен прижал к груди перевязанную руку.

— Мужчина с печатью сказал, что здесь проверено.

Максим осмотрел цепь. Замок был старый, а скоба вокруг него — свежая. Дверь можно было открыть только снаружи.

— Кто жил здесь?

— Гончар Ивас, его жена Мила, старшая дочь Соя и двое мальчиков, — ответила Лада.

— Ивас погиб в первую неделю осады. Остальные ушли к родне.

— Ушли когда?

— Так говорили.

Из дома донёсся стук. Один, два, пауза, один.

Олвен шагнул к двери.

Максим удержал его за плечо.

— Теперь слышу. Назад.

Он постучал рукоятью ножа: три быстрых удара.

Ответ пришёл не из погреба, а сверху. Три медленных. Затем по дому прошёл скрип множества шагов.

За грязным оконцем появилась женщина. Она двигалась боком, прижимая к груди большой глиняный кувшин. За ней шла девочка с доской на плече. Дальше мелькнула голова мужчины. Никто из них не смотрел во двор.

— Это не дом без жильцов, — прошептал Дан.

— Уже нет, — ответил Максим.

Лада узнала женщину.

— Тера с Мостовой улицы. У неё муж Берен и дочери. Младшая ещё маленькая.

— Почему они здесь?

— Их квадрат отмечен белым. Там стояла смена Рои.

Дан развернул дощечку с копией карты.

— Три часа назад проверено. Чужих следов не было.

— Двору понадобилось убрать семью с безопасного места и дать нам ложную цель, — сказал Максим. — Олвен отвлёк нас в сарай. Пока искали его, этих привели сюда.

— Зачем именно семью?

Внутри что-то тяжело ударило. Стена дома вздрогнула. Из щели посыпалась известь.

Лада посмотрела на крышу.

— Старое обрушение. Когда северная стена двора упала, жильцы пытались вынести посуду и перегородить проход досками. Их нашли под домом. Всех вместе.

Максим насчитал в окне четыре силуэта. Пятый мог быть внизу.

— Они повторяют порядок гибели?

— Если Мила и дети не ушли к родне — да.

Стук из погреба повторился. Это был не зов живого, запертого под плитой. Семья внутри разбирала завал по старому маршруту, и каждый удар отдавался через соединённые погреба.

Максим потянул цепь. Звенья выдержали.

— Дан, красный крест на оба угла. Под ним — цепь поставлена сегодня, внутри пятеро.

Лада, где несущая сторона?

— Северная. Но если полезем через дверь, они как раз понесут всё туда.

— Другой вход?

— Крыша, погреб из сарая или стена соседнего двора.

— Погреб опасен. Крыша повторит то, что мы только что сделали. Стена.

Они обошли дом. Соседний двор был пуст, калитка снята. Между участками тянулась кладка высотой в человеческий рост. У основания кто-то заранее сложил кирпичи и лом. Слишком удобно.

— Не трогать, — сказал Максим.

— Почему? — спросил Олвен. — Ими быстрее.

— Потому что их оставили те же люди, которые привели тебя. Они хотят, чтобы мы вошли определённым способом.

Максим нашёл старую деревянную лестницу, проверил ступени и поднялся без инструмента. Сверху двор дома гончара был виден целиком. Тера и её муж шли по белой полосе, мерцавшей между дверью и северной стеной. Старшая дочь несла доску. Девочка лет десяти тащила мешок с черепками. Самая младшая, не старше шести, сидела возле погребка и стучала камнем по крышке: один, два, пауза, один.

Каждый раз после её сигнала семья делала ещё шаг.

Северная стена выпирала наружу. На ней лежала тяжёлая обгоревшая балка. Когда взрослые поднесут к ней кувшины и доски, вес сместится. Обрушение повторится не как память, а по-настоящему.

— Тера! — крикнула Лада из-за стены. — Остановись!

Женщина не повернула головы.

Максим присмотрелся к вещам. Кувшин, доска, мешок черепков — предметы прежней семьи. Но на спинах живых были пришиты бирки с их собственными именами. Двор связал прошлое и настоящее сразу с двух сторон.

— Они слышат? — спросил Дан.

— Олвен слышал. Значит, шанс есть.

Максим перелез через стену и прыгнул во двор. Колено пронзило болью, но выдержало. Лада полезла следом. Дан остался наверху, чтобы видеть весь маршрут.

— До стены восемь шагов! — крикнул он. — Берен впереди, Тера за ним, потом старшая!

Максим не стал хватать мужчину. Встал сбоку, чтобы тот заметил движение, и спросил:

— Берен, куда вы шли до этого дома?

Мужчина нёс большой сундук. Лицо было серым от напряжения.

— В лекарский квартал.

— Зачем?

— Сказали, там безопасно.

— Кто сказал войти сюда?

— Человек с картой. На нашем доме появился крест. Он показал новый белый круг.

— Белый круг здесь был старый. Вас обманули.

Берен моргнул. Ноги продолжали идти.

— Семь шагов! — крикнул Дан.

— Что вы хотели взять с собой из своего дома? — спросил Максим.

— Детей.

— Не сундук?

— Там одежда.

— Сундук ваш?

Берен посмотрел на ручки. На дереве был выжжен знак гончара.

— Нет.

— Тогда бросьте.

— Нельзя. Разобьётся.

Сундук не мог разбиться. Говорила чужая память, в которой внутри, возможно, лежала посуда.

— Шесть шагов!

Максим обогнал мужчину и повернулся лицом к нему.

— Вы сказали: хотели взять детей. Где младшая дочь?

Берен впервые поискал её взглядом. Девочка сидела у погребка и продолжала стучать.

— Лина.

— Сундук или Лина. Выберите сейчас.

Руки мужчины задрожали. Он согнул колени и поставил сундук на землю. Белая линия под ногами вспыхнула, потянула его вперёд, но Берен развернулся к дочери.

— Лина, иди ко мне.

Девочка не отозвалась. Камень ударил по крышке.

Один, два, пауза, один.

Тера с кувшином прошла мимо мужа.

— Пять шагов! — крикнул Дан.

Лада подошла к старшей дочери, но не перекрыла ей дорогу.

— Соя, доска ваша?

— Нет.

— Что ты несла, когда ушла из дома?

— Одеяло для Лины.

— Где оно?

— Забрал человек с печатью. Сказал, нельзя тащить лишнее.

— Хочешь вернуть?

Соя остановилась на полушаге. Доска легла ей на плечо сильнее, будто невидимая рука придавила сверху.

— Хочу.

— Тогда положи чужое и найди своё.

Девочка сбросила доску. Та упала поперёк белой линии. След не исчез, но следующая сестра споткнулась и выронила мешок. Черепки рассыпались.

Северная стена застонала.

— Назад! — крикнул Максим.

Тера уже была в четырёх шагах от балки. Кувшин прижимал её руки к груди. Максим попытался заговорить, но она не отвечала. Глаза женщины смотрели не на стену, а на белый дверной проём, которого в кладке давно не было.

— Что последнее она делала сама? — спросил Максим у Берена.

Мужчина поднял Лину и прижал к себе.

— Спорила со мной.

— О чём?

— Кто понесёт младшую. Она сказала, я хромаю и уроню. Я сказал, что она устала.

— Кто победил?

— Никто. Пришёл человек с картой.

Три шага.

Максим встал перед Терой. Она толкнула его кувшином. Рёбра отозвались болью.

— Тера, Берен взял Лину.

Женщина не моргнула.

— Он хромает, — продолжил Максим. — Ты говорила, что он её уронит.

Губы Теры шевельнулись.

— Не уронит.

— Тогда ты изменила решение?

— Нет.

— Скажи ему сама.

Тера повернула голову. Берен стоял у погребка, держа младшую дочь. Повреждённая нога у него действительно подгибалась.

— Держи под колени, дурень, — сказала Тера.

— Сама держи, раз умная, — ответил он.

В её лице появилась злость — живая, домашняя, не похожая на немое усердие погибшей женщины. Тера отпустила кувшин одной рукой и потянулась к дочери.

Белый след дёрнулся. Кувшин выскользнул и разбился.

Внутри оказался не пустой воздух. По камням покатались маленькие глиняные таблички с вырезанными именами Теры, Берена, Сои, Ниры и Лины. Пять назначений лежали в одном сосуде.

— Теперь понятно, почему они шли вместе, — сказала Лада.

Северная стена хрустнула.

Разговоров больше не оставалось. Максим схватил Теру за пояс и потянул к середине двора. Она сама подхватила Лину у мужа. Берен позвал дочерей. Лада отшвырнула ногой таблички из-под балки, но кладка уже пошла трещинами.

— К южной стене! — кричал Дан сверху. — Не к двери, к южной!

Соя потянула Ниру. Берен отстал на два шага. Максим сунул ему плечо, однако мужчина оттолкнул помощь.

— Девочек выводите!

Это было его решение, и Максим подчинился. Он поднял Ниру, которая смотрела на рассыпанные черепки, и передал её Ладе. Тера с Линой добралась до стены. Соя полезла по лестнице первой.

Балка съехала.

Северная кладка рухнула внутрь двора. Грохот ударил по ушам. Пыль закрыла небо. Камни докатились до белого маршрута и остановились там, где секунду назад шла семья.

Максим закашлялся и пересчитал голоса.

Тера. Лина. Соя. Нира. Лада. Дан сверху.

Берена не было.

— Берен! — крикнула Тера.

Из пыли донеслась ругань.

Мужчина сидел за опрокинутым сундуком. Крышку проломило камнем, но сам сундук принял удар. Берен попытался встать и не смог.

Максим пополз к нему, проверяя опору ладонью. Старое движение хотело сделать сундук причиной смерти. Теперь он стал укрытием — не потому, что так задумала память, а потому, что живой человек поставил его и ушёл к дочери.

— Нога? — спросил Максим.

— Старая. Сейчас хуже.

— Чувствуете стопу?

— Чувствую ваши пальцы. И очень хочу их пнуть.

— Хороший признак.

Они выбрались по центру двора. Лада и Дан спустили верёвочную петлю, Тон с Жуком прибежали на шум и помогли поднять Берена через стену. Тера спорила с мужем, кто должен идти первым, пока Максим не велел поднять того, кто не может стоять. На этот раз оба согласились.

Когда семья оказалась в соседнем дворе, Олвен принёс из сарая свою лопатку.

— Я сам решил, — предупредил он. — Там больше никто не копает. И пригодится разгребать мелкое.

Максим хотел отчитать его за самовольный возврат, но увидел рядом Жука. Мальчик не пошёл один.

— Принято. Только мелкое и после проверки стены.

Они осмотрели погреб через щель. Живых под домом не было. Стук создавал маршрут семьи: Лина повторяла сигнал погибшего ребёнка, взрослые отвечали переносом вещей. В дальнем углу нашли старые кости, прижатые обвалившейся полкой. Пять человек не ушли к родне. Город просто предпочёл такую версию, потому что после обрушения никто не стал разбирать дом.

Лада долго смотрела в темноту.

— Ивас погиб раньше, — сказала она. — Значит, их было пятеро без него. Всё сходится.

— Запишем то, что нашли, — ответил Максим. — Не то, что хочется доказать.

— Кости пятерых.

— Пока пять наборов останков. Кто они — выясним по вещам и рассказам соседей.

Дан кивнул и записал именно так.

Тера сидела у стены, обнимая дочерей. На спине её платья оставалась бирка. Берен сорвал её, но Максим попросил не бросать.

— Это доказательство.

— Доказательство кому? — спросил Берен. — Наследнику, чьи люди нас сюда привели?

— Соседям. Тем, кто ещё пойдёт за человеком с картой.

— У него была ваша карта.

Слова ударили точнее камня.

Максим сел напротив.

— Да. Он использовал наши знаки и мои правила. Мы открыли сведения, чтобы люди могли сами проверять путь. Двор сделал из них приманку.

— Значит, убрать карты.

— Тогда безопасный путь снова будет знать только тот, у кого стража и гонцы.

— А оставить — значит привести к следующему дому ещё одну семью.

Тера сняла бирки с дочерей и разложила на земле.

— Карта сказала нам, куда идти. Но карта не заперла дверь. Не пришила это к платью. Человек показал знак и не назвал своего имени.

Она повернулась к Дану.

— Пишите на каждой новой отметке не только свидетеля. Пусть тот, кто зовёт людей с места, тоже назовётся. Не назвался — никто за ним не идёт.

— Дворовый может солгать, — сказал Дан.

— Может. Тогда запомним лицо и ложное имя.

— Не все умеют рисовать лица.

Олвен поднял лопатку.

— Рисовать не надо. Пусть проводник отдаст свою вещь тому, кого ведёт. Вернёт, когда придут. Если сбежит — вещь останется.

Лада покачала головой.

— Старые вещи назначают роли.

— Тогда свежую, — не уступил Олвен. — Отломит кусок ремня. Отрежет край рукава. Сделает при всех сейчас.

Максим посмотрел на оранжевую верёвку у Лады. Она уже доказала, что добровольно отделённая часть может хранить новое действие, а не только старую роль.

— Одной вещи мало, — сказал он. — Но как часть проверки годится. Тот, кто меняет маршрут семьи, приходит не один, называет себя, оставляет свежий знак и ведёт к месту, где есть свидетели. Если требует спешить — объясняет опасность при всех. Любой может отказаться.

— Слишком долго, — возразил Берен.

— Дольше, чем шагнуть за чужаком. Короче, чем вытаскивать семью из-под стены.

Берен потрогал распухшее колено и больше не спорил.

Роя вернулась с Миреном и шестью добровольцами. Лекарь осмотрел семью, заново перевязал Олвену пальцы и велел Берену два дня не наступать на ногу. Берен спросил, кто будет носить воду. Тера ответила, что сначала научит его держать дочь под колени. Их спор продолжился уже без помощи камня.

На рассвете у дома собралась половина квартала. Дан нарисовал на стене прежний белый круг, перечёркнутый серебряной стрелкой, цепь и пять бирок. Рядом поставил красный крест

и знак обрушения — три падающих камня. Ниже записал имена тех, кто видел семью внутри и участвовал в спасении.

Максим добавил отдельную строку: «Семью привёл неизвестный с копией открытой карты и княжеской печатью». Лада повторила вслух для тех, кто не умел читать.

Потом каждый из присутствующих рассказал историю следующему. Рассказ менялся в мелочах: кто-то говорил, что дом упал от старости, кто-то — что стену расшатали дворовые. Максим останавливал и возвращал только проверенное. Цепь поставили недавно. В доме были вещи погибших и бирки живых. Семью направил человек с картой. Северная стена обрушилась, когда они приблизились по светлому следу.

— Вы всё равно не докажете, чей это человек, — сказал старик из гончарного ряда.

— Пока нет, — ответил Максим.

— Тогда зачем писать про печать?

— Потому что её видели пятеро. Печать не доказывает приказ Радея. Она доказывает, чем неизвестный убедил семью.

С площади пришли двое стражников. Увидели толпу, остановились у красного креста. Старший потребовал стереть обвинение в адрес наследника.

Тера вышла вперёд и протянула ему бирку со своим именем.

— Прочитай, где здесь имя наследника.

Стражник промолчал.

— Мы написали про печать, — продолжила она. — Такая была у человека. Если он украл её, ищите вора. Если получил — ищите того, кто дал. Но наш дом не называйте ошибкой карты.

— Ваш дом на Мостовой.

— Был на Мостовой. Теперь там красный крест, который поставили ваши люди. Хотите — пойдём посмотрим.

Стражники не пошли. Один сорвал с новой скобы серебряный оттиск, завернул в ткань и унёс. Второй остался у стены, пока Дан не вписал его имя в список свидетелей снятия печати.

Радей ответил ударом колокола. Глашатай объявил, что неизвестные злоумышленники поддельвают княжеские знаки и заманивают жителей в опасные дома. Наследник обещал расследование и приказал сдавать все карты стражникам для проверки.

Толпа загудела.

— Сейчас отберут, — сказал Дан.

— Не отдадим единственную, — ответила Роя.

— У нас не единственная, — напомнил Максим. — И карта не должна прятаться у одного человека.

Он поднялся на обломок стены, чтобы его видели.

— Не защищайте бумагу ценой драки. Перерисовывайте сведения на стены и дощечки. Если стража забирает копию, запишите, кто забрал и когда. Если человек ведёт вас по новой отметке, он называет себя, приходит с напарником и оставляет сделанную при вас вещь. Это не делает его честным. Это даёт след, по которому искать.

— А если дом падает сейчас? — крикнул кто-то.

— Тогда решаете сами. Правило не заменяет голову. Но тот, кто кричит «некогда думать», должен первым сказать, что именно случится и откуда он знает.

Олвен стоял внизу, прижимая перевязанную руку к груди. Лопатка торчала у него за поясом.

— И детей одних не посылать, — громко добавил он.

Люди засмеялись. Олвен покраснел, но не отступил.

— И взрослых тоже, — сказал Максим. — Никого одного.

После рассветного колокола они вернулись к Мирену. На месте карты зиял пустой прямоугольник: стража успела снять её со стены. Но на столе лежала запасная копия Лады, а возле

очага Тера уже рисовала свой квартал по памяти. Жук и Тон принесли дощечки с водовода. Роя восстановила знаки площади. Даже Берен, сидя с вытянутой ногой, спорил с Даном о ширине переулка.

Дом без жильцов оказался полон голосов.

Максим прислонился к косяку. Усталость навалилась сразу, как только стало ясно, что все пересчитаны. Лада протянула ему кружку воды.

— Ты не спросил, кто оставил кирки у стены, — сказала она.

— Спросил себя.

— И что ответил?

— Нас ждали. Если бы проломили кладку приготовленным ломом, нас бы назвали теми, кто обрушил дом. Или инструмент запустил бы ещё одну роль.

— Значит, Радей хотел не только отвлечь нас Олвеном.

— Он проверял, можно ли управлять поиском через наши же правила.

Лада посмотрела на людей, которые восстанавливали карту.

— Можно?

Максим выпил воду. На дне кружки дрожал свет очага.

— Да. Если правило знает только начальник. Труднее, если каждый понимает, зачем оно нужно и когда от него отказаться.

У двери появился мальчик в серой княжеской куртке. Без шлема и оружия. Он положил на порог свёрток и сразу поднял обе руки.

— Я от башни, — сказал он. — Зовут Невел. Пришёл не один.

За его спиной стояла пожилая женщина с корзиной. Она явно не была стражником и смотрела на Невела так, будто согласилась сопровождать его только ради возможности дать подзатыльник.

— Это моя тётка, — объяснил он. — Свежую вещь сделал при ней.

Он развернул свёрток. Внутри лежала полоска серой ткани, только что отрезанная от рукава, и список из тридцати двух имён.

— Что это? — спросила Лада.

— Люди, чью одежду забрали для бирок. Сегодня их велено привести во двор старого оружейника. Там княжеский сундук. Я не знаю, что в нём. Только слышал: когда откроют, каждый получит роль.

Максим посмотрел на список, но не взял его сразу.

— Почему принёс?

Невел сглотнул.

— Потому что внизу имя моей тётки. А она сказала: если я поведу её по приказу, сначала пусть Радей найдёт мне другую семью.

Пожилая женщина поставила корзину на пол.

— Не найдёт, — сказала она. — Поэтому будете думать быстро.

На башне ударил следующий колокол. До назначенного Радеём заката оставалось меньше дня.

Глава 7. Вещь назначает роль

Невел знал не все тридцать два имени. Он читал медленно, ведя грязным ногтем по строчкам, и после каждого пятого останавливался, будто ждал, что дверь распахнётся и кто-нибудь отнимет список.

Максим не торопил. Быстро произнесённые имена легко превращались в толпу. Ему нужны были люди: где живут, кто их видел, почему одежда оказалась у двора.

Тётку Невела звали Веста. Она торговала сушёным луком у западного водовода и неделю назад отдала серый платок для перевязок. Платок забрал дворцовый сборщик, обещавший отнести его лекарям. Теперь возле её имени стояли слова: «старая мельница, третья ступень».

— Что это значит? — спросил Максим.

— Место в строю, — ответил Невел. — Наверное.

— Ты видел, как назначают?

Мальчик покосился на тётку.

— Видел одну пробу.

Веста взяла его за подбородок и повернула лицо к свету. Под левым ухом темнел свежий кровоподтёк.

— Этого на пробе получил?

— После. Когда спросил, куда человек идёт.

— Рассказывай с начала, — сказал Максим. — Только то, что видел сам.

Во дворе оружейника на камнях начертили тридцать два места. В княжеском сундуке лежали мелкие вещи: пряжки, перчатки, обломки ножен, тесёмки, ключи. Писарь доставал вещь, называл имя погибшего и клал сверху лоскут с именем живого. На пробу привели караульного, у которого раньше забрали ремень. Ремень положили на старую пряжку. Караульный поднял копьё, прошёл от третьей ступени мельницы до водовода и ударил в запёртую ставню. За ней никого не было, но наконечник вошёл в дерево на ладонь.

— Он хотел ударить? — спросила Лада.

— Сначала смеялся. Потом замолчал. Писарь сказал ему остановиться, а он не остановился. Двое схватили — он их сбросил. Когда дошёл до ставни, упал. После не помнил, зачем шёл.

— Где он сейчас?

— В нижней караульне. Руки связаны, чтобы снова не взял копьё.

Максим разложил список на столе. Возле каждого имени стояло место, предмет или короткое действие: «южные ворота, цепь»; «колодец, пустое ведро»; «красная дверь, три удара». Не строй. Части нескольких маршрутов, разбросанных по городу.

— Почему их зовут всех сразу? — спросил Дан.

— Чтобы один запустил другого, — ответил Максим. — Караульный ударит в ставню. Кто-то за ставней услышит три удара и понесёт цепь. Следующий увидит цепь.

Лада провела пальцем над строками, не касаясь бумаги.

— Победная ночь начиналась не по колоколу. В летописи сказано: приказ передавали действиями, потому что башни горели и посыльных снимали стрелами. Открыли одну дверь, опустили ведро, протянули цепь. Каждый видел только предыдущего.

— Значит, Радей собирает не людей для одного отряда, — сказал Дан. — Он собирает порядок.

Максим посмотрел на Весту.

— Вас уже звали?

— Двое приходили перед рассветом. Я велела им назвать себя. Не назвали. Тогда этот дурень признался, что видел список.

Невел потёр синяк и промолчал.

— За вами вернутся, — сказал Максим. — За всеми вернутся. Если просто спрячем людей, двор использует их одежду. Мы уже знаем, что отсутствующего можно назначить через вещь.

— Тогда сжечь одежду, — предложила Роя.

— И сундук, — добавил Дан.

— Во дворе с вооружённой стражей, — сказала Лада. — Пока будем ломиться внутрь, тридцать два человека успеют сделать первые шаги.

Максим перечитал пометки. В его прежней жизни на поисках тоже существовали цепочки. Один человек замечал след, другой проверял овраг, третий передавал координаты. Ошибка в первом сообщении расходилась дальше быстрее спасателей. Чтобы остановить её, нельзя было бегать за каждым отдельно. Нужно было найти точку, где сообщение становилось командой.

— Им нужна связь старой вещи с новой, — сказал он. — Писарь кладёт ремень на пряжку и называет обоих. Если убрать список, они знают имена. Если спрятать людей, у них остаются лоскуты. Что будет, если живой сам заберёт свою вещь?

— Во двор его не пустят, — ответил Невел.

— Не это спрашиваю. Вещь всё равно назначит его?

Лада задумалась.

— Старые вещи держат последнее действие потому, что человек не успел сделать другое. С живыми мы такого не проверяли. Одежда помнит дольше, чем отрезанная при свидетелях полоса. Но владелец может изменить её сейчас.

Веста сняла с плеч серую шаль.

— Этот платок был из неё. Что сделать?

— Ничего пока. Не станем проверять на вас то, чего не понимаем.

— На мне уже проверяют, спасатель. Только без моего согласия.

Она положила шаль на стол и выдернула из края нитку. Потом продела её в ушко большой иглы, которую носила в корзине, и подшила разошедшийся рукав Невела.

— Эту вещь я сейчас употребила по своей воле. Серая ткань была моя, нитка моя. Платок отрезали от неё. Хватит для вашей каменной памяти?

По столешнице пробежал слабый белый отблеск и погас. Невел отдёргнул руку.

— Во дворе так светила пряжка.

Максим поднял шаль за края. Ткань оставалась обычной, только новая строчка на рукаве чуть мерцала.

— Возможно, хватит, чтобы спорить со старой связью. Но тридцать два человека не станут ждать, пока мы сошьём им рукава. Делимся. Дан, перепиши список трижды. Роя, бери людей, которых знают в кварталах. Каждому назовите его строку и предупредите: ничего не брать по чужой просьбе, не повторять условное действие, не идти одному. Пусть при свидетелях изменит оставшуюся у него вещь из той же ткани — починит, укоротит, отдаст тому, кому сам выберет. И запишет, что сделал.

— А если это не поможет? — спросил Мирен.

— Тогда хотя бы они узнают начало маршрута. Лада со мной идёт к караульному. Невел покажет дорогу, если сам согласен.

Мальчик кивнул слишком быстро.

— Нет, — сказала Веста.

Невел вспыхнул.

— Без меня они не найдут нижнюю караульную.

— Найдут.

— Но не знают сменного знака.

Веста посмотрела на Максима так, словно это он придумал племяннику упрямство.

— Решайте по своим правилам.

— Правило одно, — сказал Максим. — Никого нельзя назначить полезным. Невел, ты хочешь идти потому, что знаешь путь, или потому, что боишься вернуться во двор?

Мальчик долго смотрел на список.

— Оба.

— Тогда идёшь до безопасного выхода из этого квартала. Показываешь знак издали и возвращаешься с Вестой. Дальше мы сами.

— Я могу больше.

— Верю. Но мне не нужен ещё один человек, который доказывает пользу, шагая в ловушку.

Веста коротко кивнула. Невел надулся, но спорить не стал.

Они вышли через задний двор. Город уже проснулся, хотя никто не спал по-настоящему. У водовода спорили две очереди: одна держала вёдра, другая — свёртки для сдачи. Глашатаи Радея повторяли, что все старые вещи должны быть учтены ради общей защиты. Возле каждого стоял стражник с мешком.

У людей забирали не только реликвии. Женщина отдала рубаху погибшего мужа вместе со своей новой тесьмой. Старик снял рабочие рукавицы. Девочка протянула деревянную пуговицу, которую нашла во дворе. Писарь спрашивал имя владельца и место дома.

— Учёт, — тихо сказала Лада. — Он объявил, что ищет опасные вещи, и собирает связки сам.

Максим подошёл к женщине, уже выпустившей рубаху.

— Вам дали расписку?

Стражник повернул к нему копьё.

— Не мешай княжескому приказу.

— Я спросил её.

Женщина покачала головой.

— Сказали, вернут после проверки.

— Кто отвечает за вещь?

Писарь захлопнул дощечки.

— Двор.

— Имя человека.

— Двор отвечает именем наследника.

Люди в очереди слышали. Максим не повышал голос.

— Если рубаха заставит её мужа повторить чужую смерть, к кому она придёт?

— Муж умер, — сказал писарь.

— Тогда зачем вам имя живой владелицы тесьмы?

Стражник шагнул вперёд. Женщина внезапно выдернула рубаху из мешка. Ткань затрепала, рукав остался у писаря. Она прижала остальное к груди.

— Сначала расписку, — сказала она.

Очередь зашевелилась. Кто-то потребовал назвать сборщиков. Старик снова надел рукавицы. Писарь приказал стражнику закрыть проход, но за спинами уже появились белые круги: люди рисовали на стене место сбора и имена тех, кто унёс мешки.

Максим не стал ждать драки. Они свернули в переулок. Невел провёл их мимо булочной, через двор с разбитой печью и указал на решётку под лестницей.

— Внизу две двери. На первой стучат четыре раза, потом два. Если наоборот — откроют маленькое окно и посмотрят лицо. Я должен вернуться до второго колокола, иначе тётку будут искать.

— Ты уже не должен двору ничего, — сказала Веста.

— Они так не думают.

Максим подал ему полоску мела.

— Поставь свою отметку. Не нашу.

Невел нарисовал кривую птицу с одним длинным крылом.

— Это галка. Я всегда таких рисовал.

— Теперь мы знаем: ты довёл нас сюда сам. Возвращайтесь по людной улице. Если вас остановят, не расходитесь.

Веста взяла мальчика за плечо. Перед уходом он сказал:

— Караульного зовут Шер. Он не злой. Только любит, когда его считают сильным.

Нижняя караульня пахла ржавой водой. На четыре удара и два ответило маленькое окно. Лада назвалась проводницей и потребовала осмотреть человека после приступа. Изнутри велели принести разрешение наследника.

— Тогда запишите, что отказали Шеру в помощи, — сказал Максим. — Имя назовите.

Окно закрылось. За дверью послышался шёпот, потом скрежет засова. Молодой стражник выпустил их в узкий коридор.

— Пять минут. Если он снова пойдёт, сами держите.

Шер сидел в камере на полу. Запястья связывала цепь, пропущенная за спиной через решётку. Перед ним, вне досягаемости, лежал ремень без пряжки. Караульный не сводил с него глаз.

— Уберите ремень, — сказал Максим.

— Приказано оставить, — ответил стражник. — Проверяют, потянется ли.

— Он человек, не мышь у приманки.

Шер усмехнулся.

— Мышь хотя бы кормят.

Максим присел у решётки.

— Помнишь путь к ставне?

— Помню, как смеялся. Потом будто оказался уже возле дерева. В руке копье, плечо болит. Говорят, двоих раскидал. Я бы не смог. Один из них тяжелее меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.